(42) Перепечатать

24 дюймы

62; 8:III-3

1.

10/10 Lino

Эпиграфы 8/8

285×225

Неистовыя рѣчи
(по поводу экстазовъ Плотина)

~~Не отвори себѣ шутихи~~

Если бы взвѣшено была горесть моя и вмѣстѣ страданіе мое на вѣсы положили; то нынѣ было бы песка морей тяжелѣе; оттого слова мои неистовы.

Книга Іова, VI-4

~~Вотъ, по истинѣ, жезлъ Меркурія: къ чему ни прикоснется имъ, все обратится въ золото. Дай мнѣ что хочешь — и я превращу все въ добро. Дай мнѣ болѣзни, смерть, бѣдность, обиды, смертные приговоры — все обратится въ полезное, благодаря жезлу Меркурія.~~

~~Эпиктетъ Діатрибы — III.20~~

Часто, просыпаясь къ себѣ самому изъ тѣла и отрывая свое вниманіе отъ внѣшняго міра, чтобъ сосредоточиться на себѣ самомъ, я вижу дивную и великую красоту и убѣждаюсь твердо въ томъ, что судьба предназначила меня къ чему то высокому.

Плотинъ. Эннеады IV, 8.1.

„Поскольку душа въ тѣлѣ — она спитъ глубокимъ сномъ" говоритъ Плотинъ (III.6.6-).

Lino 10/10

Вотъ уже цѣлое столѣтіе, какъ вниманіе философовъ все больше и больше привлекаетъ къ себѣ ученіе Плотина. Каждый разъ появляются новыя изслѣдованія о немъ и каждое новое изслѣдованіе есть новый гимнъ Плотину. Нѣкоторые изъ его комментаторовъ не боятся ставить его наряду съ божественнымъ Платономъ. И почти никто не сомнѣвается въ томъ, что „ученіе" Плотина есть то, что на современномъ языкѣ принято называть философіей т.е. прежде всего наука, такъ же какъ никто не сомнѣвается, что „ученіе" Платона тоже есть наука

Но вотъ приведенныя выше слова Плотина: „поскольку душа въ тѣлѣ, она спитъ глубокимъ сномъ". Въ этихъ словахъ ключъ къ философіи Плотина. Можно въ нихъ видѣть научное утвержденіе т.е. можно ихъ примирить со всѣми прочими утвержденіями, которыя добываются другими многочисленными науками? Иными словами – согласится ли „законъ противорѣчія", которому дано, какъ извѣстно, верховное право провѣрять закономѣрность человѣческихъ сужденій, признать это сужденіе истиннымъ и разрѣшить ему наряду съ другими истинами свободное обращеніе среди людей?

Я сказалъ, что приведенныя слова Плотина являются ключемъ къ его философіи. И точно, Плотина совсѣмъ нельзя понять, если постоянно, при чтеніи его Эннеадъ, не вспоминать, что, по скольку душа связана съ тѣломъ, она спитъ глубокимъ сномъ. Но, съ другой стороны, вѣдь вся жизнь всѣхъ людей, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ нашъ повседневный опытъ, есть жизнь не души, отъ тѣлъ освободившихся, но души, неразрывно съ тѣлами связанныхъ. И тѣмъ не менѣе эти связанныя съ тѣлами души развѣшиваютъ, ищутъ и находятъ истины ни мало не похожія на сновидѣнія и этимъ истинамъ законъ противорѣчія и всѣ законы, ему сподручныя, безъ колебаній даютъ свою послѣднюю санкцію. Самъ собою возникаетъ вопросъ: въ какомъ отношеніи другъ къ другу стоятъ истины, добытыя душой отъ тѣла освободившейся, къ истинамъ, добытымъ душой отъ тѣла не освободившейся? Есть между ними, можетъ быть между ними какая либо связь? Видятъ ли они и признаютъ одна другую?

Средневѣковье, какъ извѣстно, подняло вопросъ о двоякаго рода истинахъ – истинахъ теологическихъ и истинахъ философскихъ. И разрѣшило его или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрѣшало въ томъ смыслѣ, что то, что можетъ быть истиной съ точки зрѣнія теологической, можетъ быть ложью съ точки зрѣнія философской – и наоборотъ. Но „нормальной тогдѣ" средневѣковье такой противурѣчивости не допускалъ. Фома Аквинскій строго стоялъ на

томъ, что истина — божественная ли, человѣческая-ли, всегда одна и тамже. Principiorum naturaliter notorum cognitio nobis divinitus est indita, quum ipse Deus sit auctor nostrae naturae. Haec ergo principia etiam divina sapientia continet. Quidquid igitur principiis hujusmodi contrarium est, est divinae sapientiae contrarium: non igitur a Deo esse potest. Ea igitur quae ex revelatione divina per fidem tenetur non possunt naturali cognitione esse contraria."

~~Итакъ слѣдовательно!~~ ~~Это значитъ~~: основные принципы нашего познанія и познаній божескаго одни и тѣ-же. Это положеніе доказывается, ~~какъ видно изъ приведенныхъ вами словъ~~, посредствомъ цѣлаго ряда igitur т.е. способомъ или методомъ того же cognitio naturalis, правомѣрность котораго какъ будто подлежала сомнѣнію и требовала оправданій. Итакъ что выходитъ, ~~какъ будто~~, что безупречный діалектикъ допустилъ на этомъ разъ petitio principii — и при томъ столь плохо скрытое, что его можетъ заметить даже торопливый и поверхностный читатель.

Правда, и то, что ученіе о двоякой истинѣ не менѣе уязвимо. Для всякого очевидно, что одинъ и тотъ же человѣкъ одновременно не можетъ принять два взаимно исключающихъ положенія. Если истина теологическая гласитъ, что Богъ создалъ міръ въ шесть дней, а истина философская утверждаетъ, что міръ всегда существовалъ, то не можетъ быть, чтобъ и философія, и теологія говорили правду. Либо философія заблуждается, либо теологія. Ибо, конечно, уже совершенно немыслимо, чтобъ законъ противорѣчій, самый незыблемый изъ всѣхъ законовъ, допускалъ хотя единое исключеніе. А тутъ рѣчь идетъ даже не объ одномъ, а о безконечно большомъ количествѣ исключеній. Библія, основной источникъ теологическихъ познаній, заключаетъ въ себѣ одинъ непрерывный разсказъ о событіяхъ, которыя съ точки зрѣнія разумнаго человѣка, должны быть признаны безсмысленными и противоестественными. Д. С. Ц

Стало быть, нужно отвергнуть ученіе о двоякой истинѣ и вернуться къ ученію нормальнаго теолога? Ea quae ex revelatione ~~divinitus~~ divina per fidem tenetur, non possunt

naturali cognitione esse contraria: истина откровенія и истина познаваемая естественнымъ путемъ не могутъ противорѣчить одна другой. И еще меньше допустимо, чтобъ предъ лицомъ какого бы то ни было откровенія, самъ законъ противорѣчія этотъ вѣрховной судья надъ живыми и мертвыми, согласился бы, въ какомъ бы то ни было смыслѣ поступиться прѣвосходными имъ себѣ — неизвѣстно когда и за что — суверенными правами. +

Но, обратимся опять къ Плотину. Для Плотина, хотя онъ и жилъ въ сравнительно позднюю эпоху, когда „свѣтъ съ Востока" сталъ доступенъ всему греко-римскому міру, Библія была, конечно, такая же книга, какъ и всѣ другія книги: откровенія онъ въ ней видѣть не могъ. Значитъ это, что для него вопросъ о двоякой истинѣ не существовалъ? Иначе говоря, что онъ не чувствовалъ возможности такихъ истинныхъ познаній, которые не доступны „естественному" разуму и даютъ истины, не мирящіяся съ истинами, добываемыми нашими „естественнымъ" путемъ?

Уже приведенныя въ началѣ слова его говорятъ намъ о другомъ. Плотинъ зналъ истины, которыя — хотимъ мы того или не хотимъ — приходится назвать откровенными, словомъ, такъ мало говорящимъ современному сознанію и даже возбуждающимъ въ немъ крайнюю степень негодованія. И — главное — когда ему приходилось выбирать между истинами „откровенными" и истинами „естественными", онъ, ни мало не колеблясь, бралъ сторону первыхъ: ἀ δὲ μὴ φαίνεται εἶναι ἀληθῆ, ταῦτα ἀληθῆ οὐκ ἔοικε — т. е. то, что обыкновенному сознанію кажется наиболѣе существующимъ — наименѣе существуетъ (V. 5. 11.). Причемъ „обыкновенное сознаніе" — вовсе не есть сознаніе, свойственное другимъ людямъ, толпѣ, τοῖς πολλοῖς, такъ же какъ и истина, добываемая обыкновеннымъ сознаніемъ тоже не суть истина, признаваемая лишь толпой. Нѣтъ, самъ Плотинъ, какъ и всѣ прочіе люди, обычно находится во власти этихъ истинъ и только временами чувствуетъ въ себѣ силы освободиться отъ нихъ. „Часто, проснувшись къ самому себѣ изъ тѣла (πολλάκις ἐξεγρόμενος εἰς ἑαυτὸν ἐκ τοῦ σώματος) и отрывая свое вниманіе отъ внѣшнихъ вещей, чтобъ сосредоточиться на себѣ самомъ, я вижу дивную и великую красоту и убѣждаюсь

твердо въ томъ, что судьба предназначила меня къ чему то высшему (ἐς κρείττονος μοῖρας εἶναι); тогда я живу лучшей жизнью, отождествляюсь съ богомъ и, погружаясь въ него, достигаю того, что возвышаюсь надъ всѣмъ умопостигаемымъ..." (IV.8.1) Совсѣмъ, какъ у ~~нашего~~ Пушкина, которой, конечно, Плотина не зналъ. Поэта не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ – онъ, какъ и всѣ прочіе люди, погруженъ въ заботы суетнаго свѣта и является (Пушкинъ воображаетъ сильнѣе и, нужно думать, болѣе адекватно, чѣмъ Плотинъ) самымъ ничтожнымъ существомъ между прочими ничтожными существами нашего міра. И только въ тѣ рѣдкіе мгновенія, когда божественный глаголъ касается ~~его~~ чуткаго слуха поэта, душа его, отягощенная въ забавахъ міра, вдругъ, какъ пробудившійся орелъ срывается съ мѣста и устремляется къ той дивной и непостижимой красотѣ, которую обыкновенное сознаніе считаетъ „по преимуществу не существующей".

Когда такъ говоритъ Пушкинъ, мы принимаемъ его слова за метафору. Или даже, вслѣдъ за Аристотелемъ, повторяемъ про себя: много лгутъ поэты. Но, Плотинъ, вѣдь, не поэтъ. Плотинъ – философъ и, какъ мы уже знаемъ, философъ, которому даже наша современность отводитъ лучшее мѣсто въ Пантеонѣ великихъ искателей послѣднихъ истинъ. Что же, и онъ сказалъ – „много лгутъ"? Или сдѣлать, какъ это нерѣдко дѣлаютъ съ Платономъ, – выкорчевать изъ него всѣ такого рода признанія и сохранить только „обоснованныя", доказанныя положенія? И пробужденіе, о которомъ онъ такъ часто и такъ вдохновенно говоритъ, замѣнить какимъ либо другимъ, менѣе рисованнымъ словомъ?

II

Несомненно одно: у Плотина, какъ и у нѣкоторыхъ замѣчательныхъ представителей средневѣковья, истина теологическая или истина откровенія находится въ непримиримой враждѣ съ истиной философской т.е. научной въ обычномъ значеніи этого слова. Но тоже несомненно: въ противуположность средневѣковымъ мыслителямъ Плотинъ ни разу не формулировалъ съ желательной ясностью и опредѣленностью свои мысли о взаимоотношеніи этихъ двухъ истинъ. Онъ ~~все время~~ говоритъ

объ этомъ,

(такъ, какъ будто тутъ нѣтъ и не можетъ быть никакого вопроса или какъ будто бы этотъ вопросъ самъ собой разрѣшался. Въ VI-й Эннеадѣ (9, кн. III и IV) онъ пишетъ: „каждый разъ когда душа приближается къ безформенному (ἀνείδεον), она, не будучи въ состояніи постичь его, т.к. оно не имѣетъ опредѣленности и не получило точнаго выраженія въ отличающемъ его типѣ — бѣжитъ отъ него и боится, что она стоитъ предъ „ничто" (ἐξολισθάνει καὶ φοβεῖται μὴ οὐδὲν ᾖ). Въ присутствіи такихъ вещей она смущается и охотно спускается долу... Главная причина нашей неувѣренности (происходитъ) отъ того, что постиженіе единаго (т.е. истина откровенія) дается намъ не научнымъ знаніемъ (ἐπιστήμη) и не размышленіемъ (νόησις), какъ знаніе другихъ идеальныхъ предметовъ (τὰ ἄλλα νοητά), но причастіемъ (παρουσία), чѣмъ то внѣшнимъ, чѣмъ знаніе. Когда душа пріобрѣтаетъ научное знаніе предмета, она удаляется отъ единаго (т.е. опять все отъ истины откровенной) и перестаетъ быть единымъ: ибо всякое научное знаніе предполагаетъ основаніе, а всякое основаніе — предполагаетъ множественность (λόγος γὰρ ἐπιστήμη, πολλὰ δὲ ὁ λόγος)."

Это значитъ, что Плотинъ измѣняетъ основному завѣту своего божественнаго учителя, онъ отрекается отъ λόγος'а, становится, въ терминахъ Платона ἀλογος'омъ, ненавистникомъ разума — Платонъ, вѣдь, училъ, что стать мисологомъ — величайшее несчастіе, какое можетъ приключиться человѣку. Да и самъ Плотинъ говорилъ — и эти слова постоянно повторяли его ученики и послѣдователи — ἀρχὴ οὖν λόγος καὶ πάντα λόγος: въ началѣ — разумъ, и все разумъ (III.2.15).

Какъ же, если разумъ есть начало всего и все — есть разумъ, и, если величайшее несчастіе — отречься отъ разума и возненавидѣть его, какъ же, спрашивается, могъ Плотинъ стоя восторженно воспѣвать свое „Единое" и послѣднее съ нимъ соприкосновеніе? Развѣ былъ, чего смотрѣлъ законъ противорѣчія, тоже ἀρχή, далее βεβαιοτάτη τῶν ἀρχῶν — самое непоколебимое начало?

Думаю, что обойти этотъ вопросъ никакъ нельзя. И тоже думаю, что повѣшая

комментатора Плотина напрасно такъ усиленно стараются доказать, что Плотинъ никогда отъ разума не отрекался и все время, когда размышлялъ и записывалъ свои размышленія, не сводилъ глазъ съ закона противорѣчія. Повидимому, прозорливѣе молодыхъ и ближе къ истинѣ былъ старикъ Целлеръ. Онъ не побоялся сказать: es steht mit der ganzen Richtung des klassischen Denkens im Widerspruch und es ist eine entschiedene Annäherung an die orientalische Geistesweise, wenn Ploten nach dem Vorgange eines Philo das letzte Ziel der Philosophie nur in einer solchen Anschauung des Göttlichen zu finden weiss, bei welcher alle Bestimmtheit des Denkens und alle Klarheit des Selbstbewusstseins in mystischer Ekstase wegschwindet (V, 611). Въ другомъ мѣстѣ Целлеръ выражается еще сильнѣе: dem Philosophen (т.е. Плотину) ist das unbedingte Vertrauen zu seinem Denken verloren gegangen (V. 482). Целлеръ правъ, безусловно правъ. Плотинъ, тотъ Плотинъ, который столько разъ и такъ страстно превозносилъ разумъ и мышленіе, потерялъ довѣріе къ разуму, сталъ, вопреки завѣту Платона, ὑβρίστης — ненавистникомъ разума....

Фактъ значенія необычайнаго. И жаль, страшно жаль, что Целлеръ, умѣвшій подмѣтить, не захотѣлъ вдуматься или повнимательнѣй всмотрѣться въ такое исключительное явленіе и дастъ ему шаблонное объясненіе сѣмѣйствомъ на вліяніе Филона и восточныхъ умонастроеній! Я не стану здѣсь касаться вопроса, зналъ ли Плотинъ Филона и былъ ли онъ посвященъ въ тайны восточной мудрости. И не потому что не располагаю достаточнымъ мѣстомъ, а единственно потому, что считаю этотъ вопросъ празднымъ и безразличнымъ. Можетъ быть и зналъ — но, вѣдь, зналъ онъ тоже и классическую философію. И еще много „зналъ". И зналъ, конечно, какъ никто другой, что говорилъ Платонъ о ὑβρίστῃ и Аристотель о законѣ противорѣчія, которымъ одинъ только и держится всякая ясность и опредѣленность и власть котораго въ свою очередь, только и держится отчетливостью и ясностью. Что же могло внушить ему дерзновенную мысль отказать въ повиновеніи величайшему изъ самодержцевъ — βασιλεῖ τῷ ἀρχῷ? Какъ рѣшился онъ, забывъ предостереженія Платона, обречь себя на полное существованіе ὑβρίστου? Неужели ни-

Филона
самой ~~Платона~~ или дошедшей до него изрѣченій восточных мудрецовъ?
Въ исторіи философіи такія объясненія ~~охотно принимаются~~ очень въ ходу. Но, по мнѣ, они были бы умѣстны только въ томъ случаѣ, если бы исторія философіи ставила себѣ цѣлью изучать творенія бездарныхъ и посредственныхъ философовъ. У такихъ, въ дѣйствительности почти, прочитанная книга опредѣляетъ собой многое, даже все. Но говорить по поводу Плотина объ идеяхъ вліяніяхъ — совершенно недопустимо. „Идеи" Плотина выросли непосредственно изъ его собственныхъ душевныхъ переживаній, изъ того что онъ своими глазами видѣлъ, своими ушами слышалъ. И, если онъ дерзнулъ вступить въ борьбу съ „закономъ противорѣчія" или обречь себя на участь Сократа, то вовсе не потому что до него кто то тутъ уже такое дерзновеніе проявилъ. Тутъ причина была больше глубокая и неравенство было вовсе иное.
Порфирій, біографъ и ученикъ Плотина, озабоченный — какъ и всѣ біографы и преданные ученики, больше всего тѣмъ, чтобъ обезпечить своему учителю благоговѣйное удивленіе потомства, разсказываетъ намъ много разныхъ подробностей о его жизни. Плотинъ былъ очень безкорыстнымъ, очень честнымъ; очень умнымъ и наблюдательнымъ человѣкомъ. Онъ пользовался исключительнымъ довѣріемъ и любовью въ той средѣ, къ которой онъ принадлежалъ — и потому его охотно назначали опекуномъ надъ малолѣтними сиротами, выбирали въ третейскій судъ, спрашивали у него въ трудныхъ случаяхъ совѣтовъ и т.д. И всегда обращавшіеся къ нему оставались имъ довольны. Имущество малолѣтнихъ сохранялось, страдавшій подагрой сенаторъ излѣчился отъ своей болѣзни, и даже важная дама, у которой пропали драгоцѣнности, благодаря Плотину, узнала, кто эти драгоцѣнности похитилъ. Нужно думать, что все, разсказанное Порфиріемъ, правда. Набожное, Плотинъ не собирался вѣроятно тоже его совѣты пошли на пользу и сенатору и дамѣ. И, несомнѣнно, что всѣ знавшіе его люди, какъ и его личный біографъ, думали, что эти практическія добродѣтели Плотина находились въ непосредственной связи съ его философіей. Даже больше того — вполнѣ вѣроятно, что потому именно и цѣнили такъ его философію, что она, какъ говорятъ, оправдывалась жизнью философа. Въ новое время то-же повторилось и со Спинозой. Его философіей многимъ

импонирует прежде всего въ виду того, что Спинозa былъ человѣкомъ образцовой жизни. Но, вѣдь, навѣрное среди современниковъ Плотина въ Римѣ можно были найти — не скажу многого, но десятки людей, которые такъ же добросовѣстно управляли чужимъ имуществомъ, такъ же хорошо давали совѣты и были такъ же наблюдательны, какъ и Плотинъ. И въ Голландіи въ XVII столѣтіи тоже мы могли бы найти людей столь же безкорыстныхъ, непритязательныхъ и „спокойныхъ" какъ Спинозa. Но философами они не были. Лѣтъ лучше было бы, если бы намъ поменьше разсказывали о добродѣтеляхъ Плотина и Спинозы. Добродѣтели ихъ ушли вмѣстѣ съ ними въ могилу — а остались ихъ сочиненія, которыя нужно расшифровать и которыя не становятся менѣе загадочными благодаря сообщаемымъ ихъ біографами свѣдѣніямъ. Эти свѣдѣнія такъ же мало годятся для насъ, какъ и соображенія о вліяніи Филона Іудейскаго или восточныхъ мудрецовъ.

Тотъ же Порфирій сообщаетъ намъ, правда — между прочимъ, какъ будто бы объ этомъ и говорить не стоило, что его учитель никогда не перечитывалъ того, что писалъ. И опять таки, словно затѣмъ, чтобъ будущіе читатели Плотина не слишкомъ задумывались надъ этой странностью — тутъ же прибавляетъ и объясненіе: не перечитывалъ — потому что глаза у него были слабы. Не знаю, какъ такое объясненіе могло кого бы то ни было удовлетворить. Слабые глаза — но, вѣдь, у Плотина было не мало учениковъ и друзей со здоровыми глазами. Тотъ же Порфирій — да и другіе, во время отлучекъ Порфирія — могли бы предоставить въ распоряженіе учителя свои глаза. Но, видно, Плотину глаза — ни свои, ни чужіе — не были нужны. И не нужно было, нельзя было перечитывать однажды написанное.

Такое не приходило въ голову добросовѣстному Порфирію? Я менѣ тѣмъ, это — единственно допустимое объясненіе. Плотинъ не перечитывалъ того, что писалъ, такъ какъ два раза одно и тоже ему нельзя было ни передумывать, ни повторять. И, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ — мы только что слышали отъ Плотина, что то „главное", что служитъ предметомъ философіи не выноситъ опредѣленности, какъ и наоборотъ наше обыкновенное мышленіе не выноситъ безформенности. Когда душа прибл-

лишается въ настоящей реальности — ей обладѣваетъ ужасъ, ей кажется, что она погружается въ ничто, что она гибнетъ. И, наоборотъ, когда послѣднюю, высшую реальность мы пытаемся захватить въ сѣти нашихъ точныхъ и ясныхъ высказываній, готовыхъ и привычныхъ категорій, она ускользаетъ изъ ~~него~~ низъ, какъ вода изъ рабыхъ его поводъ, когда его извлекаютъ изъ воды, — она превращается на нашихъ глазахъ въ страшное „ничто". Плотинъ не перечитывалъ своихъ писаній — это, можно, ~~Порфирій правду нашъ и всѣмъ разсказалъ~~ такъ. Но не глаза ему мѣшали. Плотинъ могъ писать то, что писалъ только при томъ условіи, что ему самому никогда не придется перечитывать написанное. Ибо, если бы онъ рѣшился или былъ почему либо принужденъ перечесть написанное, то онъ самъ ужаснулся бы произнесенному подъ собой тотъ приговоръ, который ему внесъ черезъ полтора тысячи лѣтъ Целлеръ: сказать себѣ, что онъ потерялъ довѣріе къ разуму

III

Скажутъ — мое предположеніе не только не разрѣшаетъ трудности постиженія Плотина, но, наоборотъ, какъ бы подчеркиваетъ невозможность какого бы то ни было разрѣшенія. Плотинъ могъ писать то, что онъ писалъ только въ томъ случаѣ, если онъ не перечитывалъ написаннаго имъ, — но какъ же тогда быть намъ, его отдаленнымъ читателямъ? Вѣдь чтобъ узнать мысль Плотина — приходится изучать его писанія, т.е. перечитывать ихъ не разъ, и не два — а очень много разъ, и искать у него какъ разъ той опредѣленности, которой онъ всячески старался избѣгнуть. Иначе выражаясь, изучать Плотина — значитъ убивать его. Но не изучать — значитъ отказываться отъ него. Что же дѣлать, какъ найти изъ создавшагося безсмысленнаго положенія? Повидимому, выходъ только одинъ — тотъ, который нашелъ самъ Плотинъ: хоть у насъ глаза здоровы, нужно читать, но нельзя перечитывать его сочиненій. Т.е. не нужно искать у него единства мысли. Не нужно искать и убѣдительности, доказательности. Нужно сказать себѣ, что всѣ „доказательства", приводимыя имъ въ его писаніяхъ, только неизбѣжной дань школьной традиціи. Плотинъ былъ „профессоромъ", Плотинъ былъ „писателемъ"

и, стало быть, этимъ самимъ обязывался доворить только то, что можетъ быть и должно быть признано всѣми, кто у него учится т.е. слушаетъ его или читаетъ его книги. И Плотинъ былъ великимъ философомъ – стало быть, то же, мысль его должна черезъ всякое и даже высочайшій съкратить свою силу и принуждать всѣхъ къ покорности. Въ этомъ, только въ этомъ – т.е. въ силѣ и способности принудить, подчинить, покорить себѣ всѣ видятъ основной признакъ истинности мысли. Оттого всякая мысль тамъ ищетъ и добивается опредѣленности. Ибо подчиниться можно только строгимъ и опредѣленнымъ требованіямъ и наоборотъ – тамъ, гдѣ нѣтъ точности и опредѣленности, тамъ не можетъ быть рѣчи о принужденіи, тамъ начинается то царство свободы, которая уже совсѣмъ не отличается отъ ненавистнаго имъ произвола. Тамъ нѣтъ уже никакой надобности перечитывать однажды написанное, ибо тамъ нѣтъ тоже никакой надобности не только другихъ, но и самого себя принуждать повторять то, что было уже однажды сказано и сглаживать „противорѣчія" въ своихъ высказываніяхъ. Тамъ „знаніе" т.е. ἐπιστήμη – есть λόγος, а λόγος – есть та предательская множественность, которая преслѣдовала Плотина во всю его жизнь.

Конечно, и слово „множественность" не имѣетъ у Плотина той опредѣленности, которую навязываютъ ему тѣ, кто вопреки его примѣру или, если хотите, забывши непрерывно „перечитываютъ" (изучаютъ филологически) его сочиненія и стремятся сдѣлать его философіей достояніемъ всего человѣчества. Какъ всѣ почти плотиновскія слова и это слово „допускаетъ" ~~множественность~~ разныя толкованія или, лучше сказать, заключаетъ въ себѣ много смысловъ. Да какъ могло быть иначе, когда, съ одной стороны, задача Плотина была въ томъ, чтобы высказать „несказанное", а съ другой стороны его „систола" хотѣла впитать въ себя всѣ элементы, изъ которыхъ слагалась греческая философія въ тѣсной своего уже высочайшаго существованія? „Несказанное" для тѣхъ, кто его вообще принимаетъ въ серіозъ, можетъ быть выражено только въ томъ случаѣ, если слова, въ которыя его облекаютъ, тѣмъ же изобильны, многосмысленны и мятежны, какъ и оно само. А „примиритъ" Аристотеля съ Платономъ или Платона со стоиками (какъ это дѣлалось въ школѣ Плотина) не значитъ-ли заранѣе отказаться отъ

всякого „учения"? И не правъ-ли былъ учитель Плотина, мѣщанинъ ~~Саккасъ~~ Аммоний, закрестивший ~~своимъ~~ учениковъ отлагать свое ученіе? И самъ Плотинъ,ослушавшійся учителя, не вспомнилъ ли тамъ, ~~что элевзинскіе мудреца~~ ~~были правы, разрешая открывать тайна~~ что правило элевзинскихъ мудрецовъ — открывать тайны только посвященнымъ имѣло глубочайшій смыслъ? И все ли онъ разрѣшилъ ~~себѣ~~ ~~и~~ написавъ своимъ ученикамъ опубликовать свои сочиненія, которыя онъ никогда не перечитывалъ, которыя онъ, быть можетъ, не написалъ бы, если бы остался вѣренъ самому себѣ — вѣдь и въ самомъ дѣлѣ онъ началъ писать, когда ему уже исполнилось пятьдесятъ лѣтъ.

Какъ распутать всѣ эти противорѣчія? Но вотъ вопросъ: необходимо-ли имъ вообще что ни стало распутывать? Конечно, если хотѣть видѣть въ Плотинѣ „учителя" — ~~что и было на~~ какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ — то, ничего не подѣлаешь: придется распутывать, или хоть притвориться, что распутываешь. Но, если забыть объ его учительствѣ, какъ и о тѣхъ его добродѣтеляхъ и талантахъ, о которыхъ намъ разсказалъ преданный ему Порфирій? Вѣдь этой разъ забыть не менѣе полезно, чѣмъ припомнить. Сказать себѣ, что, вопреки всѣмъ, дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, Плотинъ никого не обучалъ, никого не опекалъ, никакими имуществами не управлялъ, никакихъ сенаторовъ не излѣчивалъ и т.д. И что онъ вовсе не такъ былъ озабоченъ тѣмъ, чтобъ мирить Платона съ Аристотелемъ. Что вся эта область — есть область „множественности — ему, Плотину, чуждая и далекая. Что это онъ души, еще всецѣло погруженной въ тѣло и что настоящая жизненная задача Плотина состояла совсѣмъ не въ томъ, чтобъ самому спать и другимъ давать спать, но что настоящему своему дѣлу онъ могъ отдаваться только въ тѣ редкія мгновенія (а вовсе не часто — пожалуй — какъ онъ самъ говоритъ), когда неизвѣстно почему и какъ онъ „вдругъ приближался къ чему-то такому, о чемъ всѣ наши знанія говорятъ, что это есть только чистое „ничто".

Конечно, — ни съ „ученіемъ" Платона, ни съ философіей Аристотеля и еще менѣе стоиковъ все это не имѣетъ ничего общаго. Ибо все это есть прежде всего не ученіе т.е. не знаніе, держащееся на достаточномъ основаніи. И, стало быть, поскольку

послѣдующія поколѣнія усвоили себѣ Плотина, они усвоили то, чего у Плотина не было. Можно, конечно, повторять слова, фразы - можно даже цѣлыя страницы или главы изъ Эннеадъ повторять или воспроизводить, какъ дѣлали прославленные отцы церкви и мистики. Историки могутъ по этому поводу разсуждать объ историческомъ значеніи Плотина, а насмѣшливые люди могутъ поддразнивать, что элевзинскія и иныя тайны перестали быть тайнами...

Но, все это не должно насъ смущать. Сущность тайны въ томъ, что ее „открыть" никакъ нельзя или, лучше сказать, сколько не открывай ее, она все останется тайной. И историческое значеніе Плотина - призрачно. Онъ вліялъ и могъ вліять лишь въ той мѣрѣ, въ какой его слова истолковывались согласно преходящимъ нуждамъ и запросамъ той или иной исторической полосы. А вѣдь нужда и запросы человѣческія вовсе не въ томъ, чтобъ пробудиться отъ сна. Наоборотъ, люди хотятъ спать и всячески устраняютъ то, что мѣшаетъ ~~имъ~~ спокойному сну. Нужно устранить и противорѣчія между учеміемъ Платона и Аристотеля и стоиковъ. Ибо противорѣчія безпокоятъ, будятъ, напоминаютъ о томъ, что хочется позабыть... Оттого только говорятъ о „положительныхъ задачахъ философіи", оттого великій философъ, не только самозванецъ, который дѣлаетъ изъ философіи профессію, но и настоящій, какъ Плотинъ, принужденъ являться на люди, какъ учитель: иначе онъ не можетъ оправдать себя предъ ближними и даже предъ дальними. ~~и даже~~

Но вотъ - Сократъ, котораго самъ Богъ призналъ мудрѣйшимъ изъ людей - Сократъ называлъ себя оводомъ или шпорой (ψύσωψ) - т.е. видѣлъ свое назначеніе не въ томъ, чтобъ успокаивать ближнихъ, давая имъ готовыя рѣшенія всѣхъ ~~вопросовъ~~ тайнъ и загадокъ жизни, а въ томъ, чтобъ отнимать спокойствіе у тѣхъ, кто собственными силами научился не видѣть въ жизни ни тайнъ, ни загадокъ. Сократовское „я знаю, что ничего не знаю", вовсе не было „ироніей", какъ насъ пріучили думать. И завѣтъ дельфійскаго бога - „познай самого себя" тоже не значилъ, что человѣку дано познать самого себя. Въ Дельфахъ, ~~въ~~ людямъ были уготовлены не разгадки старыхъ загадокъ, а новыя загадки. Это всѣмъ было извѣстно, и все таки въ трудныхъ случаяхъ жизни люди запрашивали оракула, словно какая то непонятная сила толкала ихъ какъ разъ туда, гдѣ ~~они вертѣлись~~ имъ суждено

было ~~всего~~ запутаться. Въ довершеніе всего — Сократовскій демонъ, ~~который~~, конечно, былъ ни вымъ воплощеніемъ „ирраціональнаго остатка" и долженъ былъ бы ~~всякъ~~ тѣмъ, кто видѣлъ въ Сократѣ всезнающаго учителя, служить свидѣтельствомъ, что философія имѣетъ не только своимъ началомъ, но также и концомъ не спокойствіе, а безпокойство. Судьи, разбиравшіе дѣло Сократа, очевидно, догадались, кого они судили и въ этомъ смыслѣ оказались куда болѣе чуткими, чѣмъ наши современники, старающіеся оправдать Сократа отъ взведенныхъ на него обвиненій или, на худой конецъ, по примѣру Гегеля, видѣть въ „судьбѣ Сократа" діалектическій, необходимый моментъ развитія идеи. Все это не такъ, как объясняютъ историки. Все это, съ одной стороны много проще, а съ другой — много непостижимѣе. Проще — ибо Сократъ дѣйствительно былъ повиненъ въ томъ, за что его преслѣдовали — т.е. онъ, развращалъ юношей и на самомъ дѣлѣ, дѣйствительно не признавалъ боговъ, которымъ чтили греки. Развращаетъ юношей не только тотъ, кто пріучаетъ ихъ къ праздности, пьянству и т.п. Есть видъ „разврата" много болѣе раздражающій, чѣмъ пьянство и праздность. И непочтеніе къ принятымъ богамъ совмѣстимо съ глубокимъ и искреннимъ устремленіемъ къ тайнамъ иного міра. Сократъ, въ своей защитительной рѣчи нисколько не оправдывался отъ предъявленныхъ ему обвиненій: онъ откровенно самъ называлъ себя оводомъ, онъ сознался на своего демона, а не на тѣхъ боговъ, которымъ приносили жертвы его согражданe. Но, вѣдь Анитъ съ Мелитомъ ни о чемъ другомъ и не говорили. Мало что, если бы намъ пришлось теперь пересмотрѣть дѣло Сократа, и, если бы, къ тому, мы знали, что оправдательный приговоръ воскреситъ его ~~снова~~ къ жизни и дастъ ему возможность такъ-же отравлять наше существованіе, какъ онъ отравлялъ существованіе своихъ современниковъ, мы бы, не колеблясь, вынесли ~~ему~~ ему тотъ же приговоръ, который ему былъ вынесенъ 2500 лѣтъ тому назадъ. И убѣдились бы, что, вопреки Гегелю, „духъ" нисколько за этотъ огромный промежутокъ времени не развился, не подвинулся впередъ. „Безпокойство" было и осталось по настоящій день тѣмъ, чего люди больше всего боятся. И демоновъ, и оводовъ люди истребляли и всегда будутъ истреблять со всей безпощадностью, на которую они способны.

IV

~~Я не хочу этимъ, однако сказать, что живи Сократъ между нами, его приговорили бы~~

но смертной жизни. Смертная казнь отнюдь не единственной и даже не самый вѣрный способъ борьбы съ безпокойными людьми. Есть и другіе способы борьбы. Самый лучшій — использовать безпокойныхъ людей для обычныхъ человѣческихъ цѣлей. Т.е. брать у нихъ то, что можетъ пригодиться людямъ спокойнымъ, а остальное оставлять безъ вниманія. Въ исторіи это и случается какъ то само собой, „естественно", безъ всякого, на первый взглядъ, умысла. Сократъ, который казался такимъ страшнымъ своимъ современникамъ, теперь уже никого не пугаетъ и не раздражаетъ — даже ставится въ примѣръ потомъ. И, если повѣрить историкамъ, то можетъ показаться, что мы уже окончательно преодолѣли ту тревогу, которая жила въ груди Сократа что намъ умы и вообще можно ничего не бояться и что въ наше время Сократъ не былъ бы назойливымъ, нестерпимымъ оводомъ, а только остроумнымъ и тонкимъ собесѣдникомъ. Его діалектика пошла на пользу слѣдующимъ поколѣніямъ, изъ нея выросла положительная наука, которая дала такую благодѣтельную для человѣчества результатовъ. А его ироніи? Даже и ироніи его потеряло свое жало и свой ядъ, такъ что, пожалуй, намъ не было бы надобности судить его и казнить. Это значитъ, что элевзинскіе мудрецы совершенно напрасно запрещали открывать истину неосвященнымъ. Истину можно сколько угодно открывать — неосвященные все равно ее не увидятъ: таковъ законъ судьбы, какъ сказали бы древніе или исторіи, какъ говоримъ мы, полагая, что, если слова „судьба" замѣнить словомъ „исторія", то миѳологическій періодъ самъ собой кончится и начнется періодъ единственно истиннаго позитивнаго знанія....

Думаю, что теперь нашъ не будетъ казаться такъ страннымъ, что Плотинъ до пятидесяти лѣтъ ничего не писалъ, а, когда началъ писать, не перечитывалъ написанное. И тоже, думаю, будетъ понятно, почему Порфирій, такъ близко стоявшій къ Плотину, его другъ и ученикъ, въ этихъ странностяхъ учителя не могъ и не хотѣлъ видѣть ничего загадочнаго. Тайны философіи открываются только „посвященнымъ". И главная, самая непостижимая тайна, о которой разсказалъ намъ Плотинъ, повидимому, въ томъ именно и заключается, что послѣдняя, а можетъ быть даже и предпослѣдняя истина дается намъ не какъ результатъ методическаго размышленія, а приходитъ извнѣ, неожиданно — какъ мгновенное

(V III, 17 (конецъ))

просвѣтленіе. (Но, если это такъ, если правъ Плотинъ и ~~если~~ философская истина не дается размышленіемъ, то вѣдь ей и „научиться" никакъ нельзя. Нельзя ее и провѣрить. Больше того: нельзя быть увѣренномъ, что она, такъ-ска, какъ и тѣ истины, которыя даются размышленіемъ, всегда и для всѣхъ равна и даже всегда равна для одного и того же человѣка. Можетъ быть Плотинъ, „прикасаясь" или „причащаясь" истинѣ то видѣлъ одно, то видѣлъ другое. Правда, объ этомъ Плотинъ ничего не разсказываетъ. Даже, наоборотъ, онъ говоритъ такъ, что можно думать, что дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе, что непостоянство есть признакъ явленій міра эмпирическаго, а въ мірѣ надъ эмпирическимъ все всегда себѣ равно и перемѣна тамъ невозможна и недопустима. Но, если бы было такъ, то почему всѣ слова, всѣ понятія, какія мы имѣемъ въ нашемъ распоряженіи, совершенно непримѣнимы къ міру истинно дѣйствительному? Вѣдь, послѣ Сократа, наши понятія такъ именно и создавались, какъ если бы имъ суждено было выразить собой неизмѣнное, а не измѣняющееся. Даже Парменидъ въ знаніи (ἐπιστήμη) чѣмъ имъ возможность видѣть подъ измѣняющимися явленіями неизмѣнную сущность. Платонъ, какъ извѣстно, училъ тому же. И Плотинъ, въ этомъ отношеніи прочно державшійся традиціи Парменида и Платона, все измѣняющееся считалъ несуществующимъ, а существующее — неизмѣннымъ. Даже то обстоятельство, что онъ послѣднее, высшее начало называетъ „единымъ", какъ будто свидѣтельствуетъ, что ~~всякая~~ измѣнчивость въ глазахъ Плотина есть порокъ, дефектъ бытія. Какъ же можно утверждать, что онъ, постигая или сливаясь со своимъ „единымъ" могъ въ разное время испытывать разное? Не значитъ ли это извращать „систему" Плотина?

Спору нѣтъ: съ системой Плотина все, что я здѣсь говорюладится плохо. Но, вѣдь, задача наша вовсе не въ томъ, чтобъ найти у Плотина систему. Система — есть ἐπιστήμη, а ἐπιστήμη — есть λόγος. Мы же помнимъ, что послѣднее устремленіе Плотина въ томъ именно и состояло, чтобъ вырваться изъ власти λόγος'а. И, быть можетъ, въ его писаніяхъ это самая поразительная черта — при чемъ, вопреки Целлеру, въ этомъ его устремленіи нужно видѣть не разрывъ его съ древней фило-

софіей, а скорѣй наиболѣе полное и смѣлое выраженіе задачей, которую ставила себѣ философія грековъ и, которыя, въ силу вышеупомянутаго закона судьба или исторіи осуществить ей не было дано. И Парменидъ, и Сократъ, и Платонъ — такъ же какъ и Плотинъ не добивались ни ἐπιστήμη, ни λόγος'а. Самъ Платонъ, который такъ прославляетъ λόγος — былъ, по своей природѣ, миѳологосомъ. Ибо, что такое λόγος, что такое ἐπιστήμη? Что такое та научная философія, въ измѣнѣ которой укоряетъ Плотина Целлеръ? Припомнимъ опять то, что было сказано раньше о теологической и философской истинѣ. Нѣкоторые думаютъ, что средневѣковье, устанавливая такое раздѣленіе, имѣло тайную мысль — отдѣлаться отъ теологической истины, чтобъ открыть путь „свободному изслѣдованію". Несомнѣнно, между философами средневѣковья были попытки такъ использовать ученіе о двоякой истинѣ. Но, по существу здѣсь шло дѣло объ иномъ. Можно, конечно, тяготиться рамками, въ которыя тебя ставитъ принадлежность къ опредѣленному исповѣданію. Это, однако, вовсе не значитъ, что свобода отъ теологической истины приводитъ человѣка къ свободѣ изслѣдованія. Я думаю, что ученіе о двухъ истинахъ имѣло своимъ источникомъ мечту о совсѣмъ иной свободѣ — о той, которую воспѣвалъ Плотинъ. Теологія стѣсняетъ человѣка, она насильно навязываетъ ему непринесповѣдные догматы. Ну, а наука — она развѣ не связываетъ? Она отъ своихъ догматовъ (предпосылокъ) отказывается? Она добровольно согласится освободить васъ отъ „закона" противорѣчія? Она признаетъ, что часть равна цѣлому? Она поступится принципомъ, что ex nihilo nihil fit? Или что однажды бывшее можно сдѣлать не бывшимъ? Нормальный теологъ, такъ увѣренно утверждавшій, что не можетъ быть столкновенія между божескимъ и человѣческимъ разумомъ, осуждалъ людей на двойное рабство — и предъ догматами католичества и предъ „истинами" Аристотеля. И тѣ, которые въ настоящее время, находя мысли о единствѣ философіи и науки, стремятся примирить ихъ между собой, дѣлаютъ то-же, что дѣлалъ Волга Дквинскій т.е. служатъ не дѣлу освобожденія, а дѣлу порабощенія человѣчества. Наша задача, повидимому, въ томъ чтобы мирить философію съ наукой, а сорить ихъ. И чѣмъ напряженнѣе, чѣмъ отсроченнѣе будетъ вражда философіи съ наукой, тѣмъ болѣе выиграетъ человѣчество. Я думаю, что, если бы Сократъ сейчасъ воскресъ, то онъ

почувствовалъ, что ему опять нужно превратиться въ „овода" и на этотъ разъ онъ всю силу своей иронiи прежде всего направилъ бы на тѣхъ, которые добиваются мира и добраго лада между философiей и наукой. И еще думаю, что его тревога, въ виду господствующихъ въ наше время тенденцiй, была бы еще болѣе неизбывной, чѣмъ въ его первую жизнь. И, навѣрное пришлось бы ему припомнить ученiе о двоякой истинѣ, только не затѣмъ, чтобы дать „свободу" научному изслѣдованiю, а чтобъ освободиться отъ научнаго изслѣдованiя. Что демонъ, которому была дана власть приказывать, ничѣмъ не мотивируя свои приказанiя, потребовалъ бы отъ него прежде всего открытаго разрыва съ научной философiей.

V

Конечно, уже первымъ шагомъ къ разрыву была бы рѣшимость Сократа поставить на мѣсто логоса и φυσικὴ ἀτραξία своего демона, его загадочнымъ „нѣчто". Ему сказали бы, что если каждый человѣкъ станетъ сообразоваться съ своимъ демономъ, то люди никогда между собой не сговорятся и вмѣсто принудительнаго единства и обязательной гармонiи, о которыхъ они хлопотали въ свою первую жизнь получится полный хаосъ и невыносимая дисгармонiя. Отъ возраженiй 2500 лѣтъ тому назадъ показалось бы Сократу совершенно непостижимымъ. Можетъ быть тогда онъ согласился бы даже отречься отъ своего демона или хотя припрятать его подальше. Вѣдь демонъ и есть та „тревога", которая такъ отличала Сократа отъ его современниковъ, да и потомковъ. Но за двѣ съ половиной тысячи лѣтъ своего потустороннаго, внѣисторическаго существованiя, Сократъ, нужно полагать, многому научился. Можетъ статься въ иномъ мiрѣ открылось ему и ученiе о двоякой истинѣ и еще о томъ, что даже въ нашемъ эмпирическомъ бытiи истина не можетъ и не хочетъ быть единой. Или, иначе, что истина не выноситъ единства — такъ же, какъ она не выноситъ неизмѣнности. Основной предикатъ потусторонней т.е. метафизической истины въ нашемъ мiрѣ есть то, чего люди больше всего избѣгаютъ и боятся — есть измѣнчивость и связанная съ измѣнчивостью непрерывная тревога. Вотъ почему — опять скажу — философiя никогда не примиряется съ наукой. Наука добивается „самоочевидности" и въ самоочевидностяхъ отыскиваетъ ту естественную необходимость, которая, провозгласивъ себя примирителемъ, хочетъ

и господствовать надъ самовластными вещами"
служитъ основой всякого знанія. Философія всегда была и будетъ борьбой, продолженіемъ самоочевидностей. Она вовсе не ищетъ „естественной необходимости" — она и въ естественности и въ необходимости видитъ злые чары, которые нужно если не совсѣмъ стряхнуть съ себя — что, повидимому, еще ни одному изъ смертныхъ никогда не удавалось, то хоть назвать ихъ настоящимъ именемъ. (Отъ того уже какой что значило бы!). Соотвѣтственно этому, теорія познанія, поскольку она является философіей, если явно, то тайно стремилась не къ оправданію, а къ обличенію положительнаго знанія. Нашедшій конецъ, всѣ почти философы прибегали хоть какой нибудь, хоть самой маленькой, но самовластной deus ex machina. Даже безпечный Эпикуръ, (какъ и когда мнѣ кажется) съ плохо скрытымъ злорадствомъ говорилъ о чуть чуть замѣтномъ, но произвольномъ, ни на чемъ не основанномъ отклоненіи атомовъ отъ „естественнаго" направленія. И чѣмъ глубже и отважнѣе былъ философъ, тѣмъ щедрѣе прибавлялъ онъ къ сладкому меду понятнаго знанія дегтю проблематичности и загадочности. И стоики, которыхъ всѣ привыкли считать матеріалистами и раціоналистами, не только никогда не отказывались отъ „чудесного" но сами не искали чудесъ и даже творили чудеса, какъ и другія философскія школы. Я приведу здѣсь небольшой отрывокъ изъ Эпиктетовскихъ діатривъ, въ которомъ сущность стоицизма выражается гораздо полнѣе, чѣмъ въ безконечныхъ писаніяхъ Сенеки и во всѣхъ, дошедшихъ до насъ стоическихъ разсужденіяхъ. „Вотъ, по истинѣ, говоритъ онъ, жезлъ Меркурія: къ чему тѣ не прикосновенья имъ все обратится въ золото. Дай мнѣ, что хочешь — я все превращу въ добро (Ὁ δέδωκας φέρε, καὶ σοὶ ἀγαθὸν ἀγαθὸν ποιήσω). Дай мнѣ болѣзни, смерть, бѣдность, обиды, смертные приговоры — все обратится въ полезное посредствомъ жезла Меркурія" (Diatr. III. 20). Вотъ какъ Панъ иногда умѣлъ говорить Эпиктетъ и вотъ въ чемъ послѣдняя, завѣтная мысль стоицизма. И не только Эпиктетъ и не только стоики такъ смотрѣли на задачи философіи. Основная проблема философіи всегда была онтологическая. Въ древности болѣе открыто, въ наши дни — тайно, но философы никогда не довольствовались ролью простыхъ „созерцателей", наоборотъ они сдѣлали среди непосвященныхъ. Они, какъ Эпиктетъ, хотѣли творить чудеса т.е. изъ того, что есть самого непригоднаго, изъ отбросовъ жизни, даже изъ абсолютнаго ничто, дѣлать самое

лучшее, самое цѣнное. Всѣ знаютъ, что бѣдность, болѣзни, изгнаніе, смерть — есть тотъ матеріалъ изъ котораго ничего сдѣлать нельзя — это, вѣдь, самая непреложная, самая очевидная истина, оспаривать которую могутъ либо глупцы, либо безумцы. А Эпиктетъ, которому, конечно, отлично извѣстно, что думаютъ „всѣ", безбоязненно говоритъ что всѣ заблуждаются и торжественно заявляетъ, что онъ обладаетъ жезломъ Меркурія, который своимъ прикосновеніемъ превращаетъ самое безобразное и самое страшное — въ прекрасное, въ „добро"...

Мнѣ уже приходилось на это указывать, но здѣсь не безполезно будетъ повторить, что историки философіи всегда недооцѣнивали значеніе стоицизма. На самомъ дѣлѣ, вы не укажете ни одной философской системы, которая не была бы въ своей основѣ и глубочайшихъ корняхъ стоической. Всѣ философы, когда говорили объ истинѣ, стремились къ всемогуществу. Всѣ искали жезла Меркурія, прикосновеніе котораго превращаетъ что угодно — въ чистое золото. И, въ этомъ смыслѣ, Плотинъ гораздо ближе къ Эпиктету, чѣмъ къ Аристотелю и даже Платону. И онъ прежде всего стремился прорваться сквозь строй самоочевидностей на просторъ свободнаго творчества. Вотъ почему въ сочиненіяхъ Эпиктета и теодицеи отведено такое выдающееся мѣсто. Этика, у Плотина, какъ у Эпиктета, какъ и въ новѣйшей философіи, есть ученіе о возможности немотивированнаго дѣйствія или, лучше сказать, дѣйствія безъ причины. Оттого этика всегда хотѣла быть автономной. Она не признаетъ „закона" достаточнаго основанія: у нея собственный „законъ". Обыкновенные люди въ поступкахъ своихъ соображаются съ условіями своего существованія: человѣкъ, по природѣ своей, хочетъ быть здоровымъ и потому выбираетъ есть въ пищу, что для здоровья полезно; человѣкъ хочетъ быть богатымъ, поэтому работаетъ въ потѣ лица, принадлежитъ на черный день; человѣкъ хочетъ долго жить, поэтому избѣгаетъ опасностей, ищетъ силы и друзей и союзниковъ и т. п. Стоики, а за ними и Плотинъ, всѣ такого рода „потомки" презираютъ и отвергаютъ. Здоровье, богатство и т. д. т. е. то, чѣмъ, по которымъ опредѣляются поступки людей — для нихъ не могутъ служить „достаточнымъ основаніемъ". Другіе, „безумцы" со всѣмъ этимъ считаются, видятъ въ этомъ „добро", потому что сами они не умѣютъ дѣлать добро, а берутъ его готовымъ изъ рукъ природы. Эпиктетъ

неустанно твердитъ, что все, сдѣланное не самимъ человѣкомъ для человѣка совершенно безразлично. Важно только то, что имъ создается и потому находится въ его власти. И Плотинъ, когда „учитъ", что душа должна освободиться отъ тѣла, если хочетъ проснуться къ свободѣ, говоритъ то-же, что и Эпиктетъ. Онъ тоже отказывается принимать отъ природы или даже изъ рукъ боговъ готовое „добро". Добро должно самому сдѣлать, а что не можетъ быть сдѣлано самимъ человѣкомъ, то ни на что не нужно. Совсѣмъ, какъ Эпиктетъ, онъ пренебрегаетъ не только богатствомъ, здоровьемъ, почестями — но и близкими, друзьями, даже отечествомъ. И, какъ извѣстно, очень хорошо доказываетъ, что все это — не блага, что все это призрачно и что только безуміе людей могло принять призрачное бытіе за реальность.

Еще любопытная аргументація Плотиновской этики, тоже близкая къ аргументаціи стоиковъ — Эпиктета, Марка Аврелія и многихъ ранѣе. Плотинъ безъ колебанія принимаетъ положеніе, что цѣлое больше своихъ частей и отсюда дѣлаетъ выводъ, что, если мы хотимъ постичь жизнь, мы должны глядѣть на міръ въ его цѣломъ, и не считаться съ судьбами отдѣльныхъ индивидуумовъ. И тогда то, что кажется ненужнымъ или дурнымъ выйдетъ и нужнымъ и хорошимъ. Какъ на картинѣ нужны не только свѣтлыя или яркія краски, но тоже и темныя или, какъ въ пьесѣ нужны не только добродѣтельныя и прекрасные герои, но тоже и ничтожныя и смѣшные. Эта излюбленная аргументація стоиковъ цѣликомъ воспринята Плотиномъ и занимаетъ въ его „системѣ" центральное положеніе. Судьбы отдѣльныхъ людей не тревожатъ его или, лучше сказать, по его „ученію" никого тревожить не должна. Шелъ торжественный хоръ къ храму и по пути раздавилъ черепаху, которая была слишкомъ подозрѣлива и медлительна на подъемъ, чтобъ во время свернуть в сторону ~~съ дороги~~. — есть о чемъ тутъ безпокоиться? И, если бы это была не черепаха, а человѣкъ, скажемъ библейскій Іовъ, то развѣ было бы больше „основаній для безпокойства? Тутъ (даже) нѣтъ, ~~и должно бы~~ не можетъ быть вопроса. Наши вопрошанія должны быть направлены въ иную совсѣмъ сторону. Мы должны глядѣть не на отдѣльные случаи, а на общее, на цѣлое. Тогда мы добьемся того, что всего нужнѣй

тогда мы добудемъ волшебный жезлъ Меркурія и будемъ творить чудеса — будемъ превращать и бѣдность, и изгнаніе и болѣзни и даже самое смерть въ добро. Тогда этика станетъ на мѣсто онтологіи и можно будетъ забыть объ Ѣовѣ и его „неистовыхъ рѣчахъ".

VI

Теперь, думаю, будетъ умѣстно вспомнить Паскалъ и его размышленія объ Эпиктетѣ. Эпиктетъ былъ любимѣйшимъ философомъ Паскаля. Онъ цѣнилъ въ немъ человѣка, который лучше другихъ понималъ идею долга. Насколько Эпиктетъ проповѣдывалъ покорность судьбѣ, готовность безропотно принимать отъ Ѣовѣ (трудности жизни, Паскаль былъ всецѣло съ нимъ. Но все же что то отталкивало Паскаля отъ Эпиктета. И это „что-то" онъ назвалъ очень сильными словами: Si rien de diabolique. Нужно думать, что дьявольскую гордыню Паскаль усмотрѣлъ въ тѣхъ словахъ, которыя я привелъ выше. Эпиктету казалось, что онъ — самый скромный человѣкъ, и что его даръ творить чудеса не только не находится въ противорѣчіи съ его общимъ ученіемъ о нашихъ обязанностяхъ предъ богами, но, наоборотъ, логически или естественно вырастаетъ изъ его ученія. Обязанность, основная обязанность наша — жить „сообразно съ природой" и, разумѣется, тотъ, кто живетъ сообразно съ природой, добивается наибольшихъ результатовъ. Тому-же, на первый взглядъ, училъ и Плотинъ. И у Плотина чудо послѣдняго единенія съ богомъ было возможно только для тѣхъ, кто путемъ катарсиса т.е. безупречнаго исполненія высшаго долга, приводилъ свою душу въ такое состояніе, при которомъ сами собою падали преграды, отдѣляющія ее отъ горняго міра. Чтобъ достичь созерцанія того, что прекраснѣе всего, душа наша сама должна прежде стать прекрасною. И, совѣтуетъ нашъ учитель, Плотиновскій κάθαρσις состоялъ въ освобожденіи отъ власти „тѣла". При чемъ — подчеркиваю тѣ уже сейчасъ, ибо тѣ имѣютъ рѣшающее значеніе — Плотинъ свое чудо послѣдняго освобожденія и единенія съ богомъ — умѣлъ вызвать несравненно лучше, чѣмъ Эпиктетъ свои жезлъ Меркурія. Но — и тотъ, и другой искали чуда. И способъ исканія былъ у нихъ одинъ и тотъ-же: оба были убѣждены, что только

преодолѣвъ тѣ очевидности, которыя внушены намъ чувственнымъ міромъ, мы обрѣтемъ послѣднюю свободу, свободу творчества изъ ничего, которая называется у Эпиктета добромъ, а у Плотина единеніемъ съ богомъ.

Паскаль Плотина не зналъ, но я думаю, что, если бы зналъ его, то, вѣроятно, тоже вспомнилъ бы о Іиреѣвѣ diabolique. И остался бы при своемъ, даже въ томъ случаѣ, если бы его ученые друзья изъ Port Royal указали ему, что самъ бл. Августинъ не могъ противиться чарамъ послѣдняго великаго греческаго философа, и что идеями Плотина питаетъ творческій величайшихъ отцовъ церкви и несравненныхъ мистиковъ средневѣковья. Онъ бы — хотѣ это покажется страннымъ на первый взглядъ — съ ужасомъ и негодованіемъ воскликнулъ; что тутъ чувствуется несомнѣнное enchantement et ravissement surnaturel. Иными словами, что стремленіе преодолѣть самоочевидности и у стоиковъ и у неоплатониковъ и у подражателей греческихъ философовъ отцовъ церкви и мистиковъ, благодаря сверхъестественному вмѣшательству, превратилось въ свою противуположность. Эпиктетъ, вообразившій, что онъ обладѣлъ высшимъ разумомъ и Плотинъ, которой думалъ, что вырвавшись изъ оковъ тѣла, онъ возлетитъ къ небесамъ и пріобщится божественной сущности, стали жертвами своихъ грезъ. Они захотѣли уподобиться Богу — творить изъ ничего. Они и творили изъ ничего и думали, что могутъ свое творчество приравнять, даже поставить выше творчества Бога: ...Какъ могла такая безумная мысль придти въ голову людямъ — да еще такимъ людямъ, какъ Эпиктетъ или Плотинъ? Не ясно-ли что тутъ замѣшана сверхъестественная сила? И не ясно-ли тоже, что во всемъ этомъ насъ должны интересовать не столько необыкновенныя „достиженія" Эпиктета и Плотина, сколько та невѣдомая и невидимая сверхъестественная сила, которая обрекла на безплодность величайшія усилія величайшихъ людей. Эпиктетъ и Плотинъ торжествуютъ. Имъ кажется, что, наконецъ, они справились съ завѣщанной имъ Сократомъ тревогой. Что можно уже не тревожиться, не искать, а — почить и учить. Плотинъ даже, какъ будто забылъ, что ему пришлось отречься отъ разума и надеется, что ему удастся, при посредствѣ все того-же разума, превратить ниспосланныя ему мгновен-

ныя видѣній во всеобщій и необходимыя, всѣмъ всегда доступныя сужденій.... Или, быть можетъ, онъ на это никогда не разсчитывалъ — это только его ученики такъ разсчитывали, ибо только при такомъ условіи они могли у него чему нибудь научиться! Порфирій — а за нимъ всѣ, кто изучалъ Плотина по изданнымъ Порфиріемъ его сочиненіямъ — это они искали и находили у Плотина всеобщія и необходимыя сужденія. А Плотинъ — мы помнимъ, что Плотинъ, по свидѣтельству самого Порфирія ни разу не пересмотрѣлъ того, что онъ написалъ. Онъ чуялъ, что, если пересмотрѣть, если повторить то, что разъ сказалъ, то его „истина" станетъ „сужденіемъ" — а всякое сужденіе есть то, что истину убиваетъ. И онъ могъ бы снять съ себя отвѣтственность за то, что его ученики или „исторія" сдѣлала съ его постиженіями. Онъ хотѣлъ вырваться изъ власти эллинскихъ идей, продиктованныхъ разумомъ, въ которомъ древній міръ не видѣлъ спасенія. Онъ, мы помнимъ, зналъ что ἐπιθυμία и λόγος есть — инотѣсвенность или выражаясь болѣе современными и потому понятными словами Целлера — онъ потерялъ безусловное довѣріе къ разуму. Онъ видѣлъ, что разуму дана власть разрушить міръ, что разумъ можетъ „доказать" иллюзорность и призрачность существующаго, но что творить изъ ничего разуму не дано, ибо тотъ же разумъ имѣетъ надъ собой непреодолимый для него законъ: ex nihilo nihil fit. И, стало быть, Плотину въ его борьбѣ съ самоочевидностями слѣдовало направлять свои удары не туда, куда онъ направлялъ. Онъ былъ правъ, безконечно правъ былъ, утверждая, что, человѣческія души находятся въ состояніи сна. И тоже былъ правъ, когда такъ безумно стремился къ пробужденію. Живущая въ его душѣ непрекращающаяся тревога и сейчасъ слышна намъ сквозь вдохновенныя строки его сочиненій. Но Плотинъ, какъ и Эпиктетъ, какъ и всѣ философы — поскольку имъ приходится говорить съ людьми, принужденъ исходить изъ предположенія, что здѣсь, на землѣ, все и начинается, все и кончается. И тревога есть только начало — начало, которое должно на нашихъ глазахъ привести къ какому нибудь концу. Вѣдь и это — основной принципъ разума — все, что имѣетъ начало, имѣетъ и конецъ, какъ и ex nihilo nihil fit или цѣлое всегда больше части своей. Это все самоочевидности, отрицать которыя нѣтъ

нимой возможности. И тоже самоочевидно, — что к невозможному стремиться нельзя.
Наконец, еще одна самоочевидность, здесь для нас особенно существенная: философия обязана учить людей, иначе она не может оправдать свое существование. Ведь так и Сократ думал. Он называл себя овеном т.е. утверждал как будто, что его дело — только жалить людей, иначе говоря передавать им свою неизбывную тревогу. Но и Сократ не мог ограничиться этой ролью. И над ним тяготели самоочевидные истины, на которые он не осмеливался поднимать руку. Он жалил, он будил людей — но он все обещал людям и истину т.е. новый мир, в котором никто не будет спать, а все будут бодрствовать — иначе говоря он обещал развернуть от чар старый мир. Ведь это и Эпиктет впервые провозгласил, что ему дана власть превращать страшное и безобразное в доброе и прекрасное. Это все тоже все Сократ, которого собственный дельфийский бог, признавши его мудрейшим из людей, был первым философом возлежавшим о своем всемогуществе. Сократа соблазнил Аполлон, Сократ же соблазнил последующие поколения эллинских философов. Ведь это Сократ, как свидетельствует в своей „Апологии" Платон, заявил в защитительной речи, что, вопреки очевидности, хорошему человеку никто не может причинить зла. Сократ же требовал, чтобы это его утверждение было признано разумным т.е. всеобщим и необходимым — более очевидным, чем повседневный опыт, который, вскрывая закон Стоиков, доказывает, что удачи и неудачи равно выпадают на долю благочестивых и неблагочестивых. Эпиктет в своей вдохновенной фразе тоже вдохнул новую жизнь в старую Сократовскую мысль. И Плотин, когда ему нужно было учить людей искать истину у Сократа: в III третьей эннеаде (II.6.) он буквально повторяет приведенные только что слова Сократа.

VII

Теперь для нас преобретает новый смысл плотиновское утверждение: поскольку душа в теле, она спит глубоким сном. Плотин чувствовал, что нужно от чего то проснуться, преодолеть какие то самоочевидности, как чувствовали это великие предшественники — Эпиктет, Платон, Сократ. Нужно найти то чародея, заворожившего человеческие души.

Гдѣ онъ? Какъ бороться съ нимъ? Казалось бы, что нужно начать борьбу философіи, освободиться отъ властвующихъ надъ людьми идей, что тотъ „сонъ души", который грозитъ переходомъ ~~является началомъ~~ къ небытію и есть наше довѣріе къ самоочевидномъ истинамъ. Но древняя философія — и Плотинъ тутъ не составляетъ исключенія — никогда не рѣшалась на открытую борьбу съ самоочевидностями. Новая философія, до сихъ поръ живущая завѣтами эллиновъ — даже въ лицѣ тѣхъ ея представителей, которые, какъ Плотинъ, не имѣютъ уже безусловнаго довѣрія къ разуму, проявляетъ ту-же нерѣшительность. Ибо бороться съ самоочевидностями — не значитъ ли выдавать обрекъ себя на неудачу?

Я только что привелъ слова Спинозы: повседневный опытъ доказываетъ намъ, что удачи и неудачи равно выпадаютъ на долю и благочестивыхъ и нечестивыхъ. Можно выразить что-либо на это? Это объективная истина, которую люди знаютъ уже много тысячелѣтій. Но можно принять ее? Мы тоже только что слышали отъ Сократа, что хорошему человѣку никто не можетъ сдѣлать зла. Какъ примирить эти два противуположныхъ утвержденія? Рядомъ живутъ въ нашемъ мірѣ, гдѣ законъ противорѣчій всевластенъ, они не могутъ. Либо истина повседневнаго опыта попретъ истину Сократа, либо сама ею будетъ попрана. И наряду съ этой истиной еще цѣлый рядъ поддерживающихъ ее истинъ, отъ которыхъ нѣтъ и не можетъ быть спасенія ни во снѣ, ни на яву. Проснуться отъ этихъ истинъ — нельзя. Они пропитали все наше бытіе: и одушевленной и неодушевленной міръ въ ихъ власти. Что же дѣлать? Какъ принять непріемлемое, преодолѣть непреодолимое? Отвѣтъ былъ одинъ — подсказанный Сократомъ, циникомъ и возведенный въ теорію стоиками. Непреодолимое, неизбѣжное должно быть такъ или иначе быть признано пріемлемымъ. Или, какъ выразился Эпиктетъ, дайте мнѣ что угодно — я все превращу въ добро. ~~Этика такъ~~ ~~есть онтологія~~, Философъ превратится, хочешь превратиться въ чудотворца. Основной частью философіи не только, какъ принято думать у стоиковъ, но въ всѣхъ системахъ, какъ древности, такъ и новаго времени становится этика, которая питаетъ собою все — даже онтологію. ~~Что~~ Что такое этика? Прежде всего

сказанного выше едва-ли что станетъ возражать, что этика есть, была и, очевидно, всегда будетъ искусствомъ творить естественныя чудеса. Именно-естественныя т.е. согласныя съ разумомъ и подчинившіяся необходимости, усмотрѣнной разумомъ во вселенной. Прочтите діатрибы Эпиктета - вы убѣдитесь въ этомъ, прочтите эпиграды Плотина - вы убѣдитесь въ томъ-же. И тогда вы поймете, почему Паскаль говоритъ о Sureté diabolique Эпиктета и почувствуете удовольствіе въ восклицаніи: „Богъ Авраама, Исаака и Іакова - а не Богъ философовъ". Вѣдь и Паскаль искалъ чуда - но „естественное чудо" возбуждало въ немъ все негодованіе, на которое онъ былъ способенъ. И не потому что онъ испугался „противорѣчій" заключающаго въ такомъ словосочетаніи. Эпиктету точно казалось, что противорѣчіе невыносимо для человѣческой души (πᾶσα δὲ ψυχὴ λογικὴ φύσει δυσφορεῖται πρὸς μάχην - II. 26), но Паскаль зналъ, что на свѣтѣ есть вещи, много болѣе нестерпимыя для насъ, чѣмъ противорѣчія - внутреннія или внѣшнія. И тоже зналъ онъ, конечно, что чудо сверхестественное - не менѣе противорѣчивое понятіе, чѣмъ чудо естественное. И, если онъ отвергъ чудеса философовъ и предпочелъ имъ чудеса Библіи, то у него, пусть по полагаю, было на то свое основаніе. Или, быть можетъ, онъ сдѣлалъ свой выборъ произвольно, не имѣя на то никакого основанія? Вдругъ открылось ему, что иной разъ отсутствіе основанія, какъ великолѣпно выразился Бергсонъ, лучше всякого основанія? И тогда тоже внезапно „прозрѣлъ", убѣдился, что всѣ наши основанія, всѣ наши очевидности только assoupissement et enchantement du naturel?

Путь, повидимому, и кроется принципіальная противуположность между Паскалемъ и традиціонной философіей, противуположность, которую даже и самому Паскалю въ дошедшемъ до насъ resée не удалось выявить съ достаточной остротой. Когда то Милль сказалъ, что если бы каждый разъ, когда мы беремъ два предмета и прибавляемъ къ нимъ еще два какое нибудь существо подсовѣтовало бы намъ еще одинъ предметъ, мы были бы убѣждены, что 2 + 2 = 5. И, вѣдь, Милль правъ или, вѣрнѣе сказать, противъ своей воли высказалъ глубочайшую мысль. ~~Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ~~, вполнѣ и рядомъ, когда мы беремъ два предмета и прибавляемъ къ нимъ еще два

выходитъ пять: пятой кто-то подсовываетъ. Но люди „подсовываются" не замечаютъ, и только „заключаютъ" что въ извѣстныхъ случаяхъ 2+2=5. Въ новѣйшее время Бергсонъ формулировалъ эту мысль такъ, что научное мышленіе избѣгаетъ всего „новаго". Каждый разъ, когда кто то „подсовываетъ" намъ новое, мы стараемся „объяснить" его т.е. сдѣлать видъ, что ничего новаго не произошло. Ибо, по ученію разума, исходящаго изъ самоочевидностей или, что то-же, изъ идеи естественной необходимости всякое „новое" - есть дерзновеніе, есть кощунство, есть ему, разуму, противное или иррціональное. А стало быть - ничего новаго нѣтъ, такъ какъ нѣтъ того, чего быть не можетъ.

Почему такъ происходитъ? Почему люди такъ боятся новаго, какъ будто бы оно было тѣмъ „страшнымъ" „ничто", о которомъ говорилъ Плотинъ? Отвѣтъ, кажется, возможенъ только одинъ. Возможность „новаго" вырываетъ изъ рукъ человѣка волшебный жезлъ Меркурія, который давалъ ему воображаемую силу творить естественныя чудеса. Новое - значитъ совершенно неожиданное, непредвидѣнное и непредвидимое; новое - это такое, что непохоже ни на что, до сихъ поръ бывшее и, конечно, не подчиняющееся человѣку и тому волшебному жезлу, о которомъ мечталъ Эпиктетъ. Но, вѣдь все „старое" т.е. уже извѣстное людямъ тоже было когда-то „новымъ" т.е. тоже когда то появилось на свѣтъ, не испросивъ согласія человѣка и не ожидая мановенія его жезла! Стало-быть старое новое, какъ и новое новое когда то „дерзновенно" появилось на свѣтъ, не заручившись разрѣшеніемъ разума и держателей разума, людей. Какъ съ нимъ быть съ этимъ прежде появившимся новымъ? ~~Вѣдь~~ Если признать старое новое - нужно будетъ признать и новое новое? Разумъ, вѣдь не согласится стать въ противорѣчіе съ самимъ собой, разумъ, вѣдь, ни за что не отнажется отъ послѣдовательности!

VIII

Изъ сказаннаго выше ясно, что въ этикѣ и теодицеѣ Плотина нѣтъ ничего оригинальнаго и значительнаго. И все тое „историческое" значеніе Плотина ~~не~~ держалось на его этикѣ и теодицеѣ. И средневѣковье и новое время - вплоть до нашихъ дней - питалось и продолжа-

упиваться передаваемыми ему через Плотина идеями стоиков. Возьмите-ли вы бл. Августина, Мейстера Экгарта, Спинозу, Лейбница, Гегеля или даже кого-либо из ~~сов~~ наших живущих философов, у всех вы найдете больше или менее ясно выраженное убеждение, что, т.к. сверхъестественных чудеса невозможны, то нужно удовольствоваться чудесами естественными. Конечно, никогда эта мысль так не формулируется. Обычно доказательства о невозможности чуда сверхъестественных вовсе и не связываются с утверждениями, что нужно довольствоваться чудесами естественными. Даже у стоиков приведенное выше изречение о посылке Меркурия является в своем роде единственным. Теория познания т.е. учение об объективной истине разрабатывается обычно совершенно независимо от Этики и теодицеи, которыя имеют своим заданием оправдание мира и творца. Но не даром столько говорят о „единстве" философскаго миросозерцания. Этика всегда была неразрывно связана с теорией познания, теория познания обусловливалась и из нея вытекала. Когда теория познания выставляла свой принцип естественной необходимости, или невозможности чудесного, этике и теодицеи ничего другого не оставалось, как предложить взамен невозможных сверхъестественных чудес свои возможныя чудеса естественныя. Самоочевидность устанавливала, что Сократа, лучшаго из людей, по признанию Платона, „мудрейшаго из людей" по признанию дельфійскаго бога, погубили два бездельника — Анит и Мелит. Изменить эти ~~[illegible]~~ люди не умеют ~~[illegible]~~ прошлое, ибо, по свидетельству разума, однажды бывшее нельзя сделать небывшим. Разум, один разум, вождь, знает, что возможно и что невозможно. И знает, что нужно стремиться к возможному и не добиваться невозможнаго. Этике ничего больше не остается, как, принявши от разума готовую действительность, объявить, что эта действительность не существует, что она даже не действительность, а призрак и что настоящая действительность это не та, которая дана человеку, а та, которая самим человеком творится. Итак, как учили стоики, для нас ценно только то, что в наших власти, все же, что не в нашей власти, для нас безразлично, стало быть как бы ~~всеудумать, что~~ не существует или даже просто не существует. ~~В действительности, Анит~~ и

Мелитъ убилъ Сократа, но этика возвѣщаетъ, что, наоборотъ, восторжествовалъ Сократъ, ибо Сократъ — хорошій человѣкъ, съ хорошимъ же человѣкомъ не можетъ приключиться ничего дурнаго. Всѣ думаютъ, что насильственная смерть — есть зло. Но мы помнимъ, что „всѣ" въ несуществующемъ видятъ ~~не~~ существующее, а въ существующемъ несуществующее. Такъ училъ насъ Плотинъ. И Эпиктетъ говорилъ: дайте мнѣ что хотите, хоть самую смерть — я все превращу въ добро. ~~Но отрадно признаться въ своемъ порокѣ: онъ не хотитъ~~ никогда не ~~решается~~ соглашалась ~~смерть Сократа есть добро, можетъ быть превращена въ добро.~~ Этика, смирившись предъ теоріей познанія ~~хочетъ~~ она стремится отвѣсти и отвѣриваетъся въ онтологіи: ~~она~~ отнынѣ она рѣшаетъ, что сей сущее и даже существующее.

Остановимся на минутку и спросимъ себя опять: какъ удалось этикѣ завоевать ~~область~~ право онтологіи? ~~Или~~ Иначе: Какъ творитъ она свои естественныя чудеса? Въ чемъ тайна тезла Меркурія? Вѣдь это не такая тайна, которая не можетъ стать явной; ~~Вѣдь~~ а чудеса стоиковъ — чудеса естественныя и тайны ихъ не боятся дня и свѣта. И точно, у стоиковъ нѣтъ ничего такого, что приходилось бы скрывать отъ не посвященныхъ. Даже Плотинъ, который знаетъ, что тайна никогда не становится истиной, доступной всѣмъ, даже Плотинъ въ своей этикѣ и теодицеѣ такъ же ясенъ и открытъ, какъ и стоическіе мудрецы. Чтобъ творить чудеса, учитъ онъ нужно только ~~освобо-~~ ~~дитися отъ власти тѣла.~~ отвѣрнуть тѣло. И не только собственное тѣла — но всего тѣлесного міра. Ибо міръ тѣлъ людямъ не подвластенъ. Мы не можемъ сдѣлать такъ, чтобъ одинъ Сократъ былъ сильнѣе, чѣмъ Анитъ и Мелитъ со стоявшими за ними законами. Не можемъ тоже превращать „слѣпыхъ въ зрячихъ, глухихъ даровать слухъ, побѣжденныхъ дѣлать побѣдителями, воскрешать умершихъ и т. д. Но мы можемъ, такъ учили стоики, сказать себѣ: намъ все равно, что быть слѣпыми, что зрячими, что быть побѣдителями, что быть побѣжденными, намъ все равно — жить или умереть. Все это насъ не касается — а нашихъ тѣлъ. Даже, если и отечество погибнетъ — мы можемъ сказать: намъ все равно. Все, что происходитъ въ тѣлесномъ, чувственномъ мірѣ — для насъ безразлично. Душа человѣческая призвана не къ тому, чтобы повиноваться, а къ тому, чтобы повелѣвать. Добро — автономно, самозаконно. Добро добываетъ свои принципы

не изъ внѣшняго міра — оно подчиняетъ міръ своимъ принципамъ. Всѣ блочатичныя изъяны — только выстѣники (ἀξιώματα), они доносятъ о томъ, что происходитъ, душа же — царь, βασιλεύς: ей дано верховное право распоряжаться всѣмъ. А разъ такъ, разъ право вязать и рѣшать принадлежитъ душѣ — кого и чего боятся ея? Ничто въ всей вселенной не страшно для того, чья душа отвернулась отъ тѣлеснаго міра.

И для стоиковъ, и для Плотина было самоочевидно, что бороться съ „естественной необходимостью", которая породила міръ — безсмысленно. Необходимость нужно принять и покориться ей. Бороться можно только съ человѣческимъ Я, съ нашими оцѣнками того, что намъ дано. Мы ропщемъ, негодуемъ, радуемся, плачемъ, торжествуемъ, приходимъ въ отчаяніе, надѣемся и т.д. въ зависимости отъ того посылаетъ ли намъ судьба удачи или неудачи. Всѣмъ кажется, что это такъ и быть должно, что этого нельзя и не нужно измѣнять. Но какъ разъ это и можно и должно измѣнить. „Стоитъ только" то, что люди цѣнятъ и чего боятся отнести въ область безразличнаго и мы изъ рабовъ превращаемся въ царей, изъ людей — въ боговъ. Свободное существо — царь, богъ — ни отъ кого ничего не принимаетъ и не ждетъ. Ему не страшна ни бѣдность, ни болѣзни, ни изгнаніе, ни даже смерть. Раздавили черепаху, отравили Сократа, разрушили отечество — все это такъ и быть должно. Все это мудреца не касается и не тревожитъ его. Волшебный тезлъ Мерлиндрей творитъ свои естественныя чудеса и разумный человѣкъ прекращаетъ ея рѣчи библейскаго Іова, воображающаго, что его скорбь лежитъ на какихъ то сверхъестественныхъ вѣсахъ оказаться тяжелѣе, чѣмъ песокъ морской.

Все время я говорю о Плотинѣ наряду съ Эпиктетомъ, какъ будто бы отождествляя стоицизмъ съ неоплатонизмомъ. И я думаю, что это давно уже нужно было сдѣлать: не отождествить, конечно, а сблизить въ гораздо большей степени, чѣмъ это было до сихъ поръ принято. Ученія стоиковъ и неоплатониковъ несомнѣнно выросли изъ общаго корня. Философія всегда была борьбой и преодолѣніемъ самоочевидностей. Но, каждый разъ когда философу приходилось выбирать между самоочевидностями, которыя нужно преодо-

лѣтъ и самоочевидностями, которая можно принять, сказывалась основная черта нашей природы — наше недовѣріе къ творческимъ силамъ т.е. къ возможности новаго и необычнаго во вселенной. Вотъ почему истина „откровенная" всегда враждовала съ истиной „научной". И Богъ, какъ училъ св. Ома, не можетъ сдѣлать что либо, что не согласно съ принципами человѣческаго разума. Ex nihilo nihil fit, все что есть, ~~стало быть~~, всегда было и въ тому, что было уже никогда ничего не прибавится. Чудеса, стало быть, возможны только естественными и самъ Богъ, какъ превосходно доказалъ въ своемъ теолого-политическомъ трактатѣ Спиноза, долженъ быть только естественнымъ чудомъ, сотвореннымъ людьми. Но, такъ какъ люди могутъ творить только „идеальныя" сущности, только принципы, только начала — то и Богъ, котораго сотворили люди, долженъ быть чисто идеальною сущностью. Надъ міромъ реальностей человѣкъ не воленъ, онъ не можетъ создать не только ни одного живого существа, ему не дано вызвать къ бытію и осуществить предметъ, даже хотя призрачный атомъ. Значитъ, и Богъ ничего создать не можетъ: міръ существуетъ самъ по себѣ, существуетъ извѣчно, въ силу все той же „естественной необходимости". Да и существуетъ ли онъ вообще? Не есть ли онъ только обманъ, наважденіе, отъ котораго мы должны стремиться во что бы то ни стало освободиться! Библейское сказаніе о томъ, что Богъ сотворилъ міръ изъ ничего для нашего разума совершенно не пріемлемо, оно оскорбляетъ его въ самой его сущности. Этъ истина теологическая, предъ которой истина научная съ nihilo nihil fit ни за что не согласится склонить свою гордую главу. И такъ какъ законъ противорѣчія въ свой чередъ ни за что не ~~поступится~~ отречется отъ себя, то, стало быть, этимъ двумъ истинамъ рано или поздно неизбѣжно было вступить между собой въ послѣдній и страшный бой.

Такъ оно и случилось. Въ новѣйшее время, какъ извѣстно, полную побѣду одержала истина научная. Изъ всѣхъ „доказательствъ" бытія Божія сохранилось только одно — доказательство онтологическое и сохранилось именно потому, что оно находится въ полномъ согласіи съ самоочевидностями разума, т.е. что въ немъ

этика цѣликомъ вытѣснила онтологію. Богъ есть всесовершеннѣйшее существо, а идея совершенства, вѣдь, цѣликомъ опредѣляется разумомъ и стало быть, можно впередъ быть твердо увѣренными, что въ ней мы не найдемъ элементовъ, для разума непріемлемыхъ. Даже предикатъ „реальность", ~~вообще говори~~ всегда доставлявшій разуму наибольше всего хлопотъ въ томъ доказательствѣ онтологическомъ или, какъ предпочитаютъ въ такихъ случаяхъ говорить умные люди, на столько „преображенъ", что онъ уже не враждуетъ и не соприкасается съ предикатомъ „идеальность". Гегель могъ со спокойной совѣстью защищать онтологическое доказательство бытія Божія. Онъ зналъ что его логосъ при этомъ нисколько не пострадаетъ и что верховныя права разума не только не понесутъ ущерба, но будутъ еще лишній разъ подтверждены и жезлъ Меркурія останется въ его рукахъ. У Бога будетъ отнята возможность творить сверхъестественныя чудеса по человѣкѣ тѣмъ болѣе сохранитъ свою власть творить естественныя чудеса, которыми похвалялся Энкистетъ.

IX

И всѣхъ исторіи философіи, которая хочетъ видѣть въ слѣдовавшихъ одна за другой системахъ философіи преемственную связь жестоко ошибается, полагая, что наша современность не только усвоила все, что добыли древніе, но еще ушла далеко впередъ. Гегель изучалъ Плотина. Гегель преклонялся предъ Плотиномъ, но, очевидно, тайна Плотина, его ἀληθινὴ ἔγρηγορσις (истинное пробужденіе — III, 6.6) Гегелю не открылась. Не открылась она, повидимому, и новѣйшимъ его комментаторамъ — какъ Гартману съ его школой, такъ и другимъ. И не открылась, надо думать, именно потому, что они такъ добросовѣстно изучали его. Плотина, который до 50 лѣтъ ничего не писалъ, а написанное послѣ пятидесяти лѣтъ не перечитывалъ, нельзя изучать. Еще меньше можно ~~вставлять~~ включать его въ цѣпь историческаго развитія. Насъ не должно соблазнять то обстоятельство, что самъ Плотинъ, всосавъ въ свою систему „всѣ элементы существовавшей до него эллинской философіи", этимъ какъ бы подвелъ итоги тысячелѣтней работѣ духа Эллады. Онъ это сдѣлалъ, онъ „послужилъ исторіи", какъ служитъ исторіи всякій живущій на землѣ человѣкъ. Но, если

мы хотимъ постичь истинную задачу философа, то мы прежде всего должны вырвать его изъ тѣхъ историческихъ рамокъ и условій, въ которыя его вставила капризная случайность бытія. Или во всякомъ разѣ въ этихъ условіяхъ научиться видѣть если не помѣху его творчеству, то не больше чѣмъ одинъ изъ многочисленныхъ чисто внѣшнихъ предлоговъ для размышленія.

Итакъ, по поводу Плотина, можно и много говорить о трудностяхъ политической жизни въ его эпоху. Римскіе императора произвольно смѣнялись и, добившись власти, сами сожали на крестѣ тѣмъ отвратительной произволъ, благодаря которому имъ удалось добиться власти. Этимъ можно и просто объясняется стремленіе Плотина бѣжать изъ нашего міра. Кажется вполнѣ „естественнымъ", что живи Плотинъ въ другую эпоху, онъ бы иначе думалъ и говорилъ. Но опять скажу: такого рода „объясненія" имѣютъ своимъ назначеніемъ скрывать отъ насъ истину. Если бы Плотинъ жилъ въ средніе вѣка, въ эпоху Перикла или при Людовикѣ XIV, онъ говорилъ бы на другомъ языкѣ, но то же, что говорилъ въ своемъ Эннеадахъ. Вѣдь тотъ „произволъ" и та звѣриная жестокость, которыя въ III вѣкѣ по Р. Х. сидѣли на римскомъ тронѣ — разве ихъ не было въ другія эпохи? Развѣ блескъ вѣка Елизавета Англійской или царя-солнца затмилъ бы настолько взоръ Плотина, чтобъ онъ увѣровалъ въ благополучіе человѣческаго существованія? Порфирій намъ разсказалъ, что Плотинъ стыдился своего тѣла, — нельзя можетъ думать, что живи онъ въ эпоху, когда произволъ облачался въ видимость справедливости и твердой законности, ему бы зависимость отъ тѣла показалась менѣе постыдной? И онъ не стремился бы всѣми силами къ тому, чтобы τὴν ψυχὴν χωρὶς ἔχειν τοῦ σώματος, чтобъ душа его была внѣ тѣла? Или не прославлялъ бы ἀφοβίαν τοῦ θανάτου (безстрашіе предъ смертью), какъ высшую добродѣтель — ἀνδρείαν (мужество)? И не видѣлъ бы свой философскій идеалъ въ возможности возвыситься надъ знаніемъ (ἐπιστήμη), потому что знаніе — есть логосъ, а логосъ — есть множественность?

А разъ такъ, значитъ и при Елизаветѣ, и при Людовикѣ XIV и когда хотите заботы и философскіе наши Плотина сводились бы къ тому, чтобъ бѣжать, бѣжать безъ оглядки изъ того царства самоочевидностей, въ которомъ на престолѣ сидятъ не

императора одноднёвки, — какъ бы они не назывались, а то „вѣчное", безплотное, идеальное начало, которое съ незапамятныхъ временъ называется „естественной необходимостью" (φυσικὴ ἀνάγκη). Вотъ съ этой то естественной необходимостью и съ сопутствующими ей самоочевидностями и боролся Плотинъ. Вникъ онъ и говорилъ, что, пока душа въ тѣлѣ, она спитъ ~~глубокимъ~~ непробуднымъ сномъ. Д. С. П.

Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто съ вниманіемъ интересомъ читалъ ~~второй~~ девятую книгу Енеадъ, въ которой Плотинъ полемизируетъ съ гностиками. Еще задолго до Плотина подъ вліяніемъ Платона, и еще болѣе подъ вліяніемъ киниковъ и стоиковъ, въ древнемъ мірѣ назрѣвало убѣжденіе, что „тѣло" есть источникъ зла на землѣ. Плотинъ, повидимому, первый изъ языческихъ философовъ, принялъ это убѣжденіе киникомъ, безъ всякихъ оговорокъ — и ~~дѣлъ~~ передалъ его отъ себя христіанскому, какъ принципъ, не подлежащій ни сомнѣнію, ни пересмотру. Есть въ основаніи думать, что этотъ принципъ являлся условіемъ возможности проникновенія христіанства въ греко-римскій культурный міръ. Ветхій завѣтъ, какъ извѣстно, начинается словами — ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν — въ началѣ Богъ создалъ небо и землю. Но 4е Евангеліе начинается другими словами: ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος. Ученіе ветхаго завѣта въ такомъ видѣ, въ какомъ оно излагается въ книгѣ бытія, было абсолютно ~~было~~ непріемлемо для греко-римскаго міра. И ~~въ этомъ отношеніи~~ гностики были послѣдовательнѣе и выдерживаютъ другихъ христіанскихъ сектъ первыхъ вѣковъ нашей эры. Они рѣшительно отвергли ветхій завѣтъ. Они отвергли и Бога ветхаго завѣта, творца неба и земли. Если мы спросимъ себя, что побудило ихъ отречься отъ ветхаго завѣта, для насъ станетъ ясно, что они исходили изъ того же желанія, которое вдохновляло Плотина — τὴν ψυχὴν χωρὶς εἶναι τοῦ σώματος — освободить душу отъ тѣла. Гностики тоже стыдились и боялись „тѣла" и они были убѣждены, что все зло въ мірѣ отъ тѣла и отсюда выводили, что, если хочешь избавиться отъ зла, нужно избавиться отъ тѣла. Приведу удивительныя слова Валентина, сохранившіяся въ сочиненіяхъ Климента Александрійскаго: „отъ начала (ἀπ' ἀρχῆς) вы безсмертны и дѣти вѣчной жизни; вы захотѣли раздѣлить смерть между собой

чтобъ побѣдить всѣ, истребить, разрушить, уничтожить въ себѣ и черезъ себя. Если вы разрушите міръ, не давши ему разрушить себя, вы будете господствовать надъ сотворенномъ и надъ всѣмъ преходящимъ". Въ этихъ словахъ съ рѣдкимъ своеобразіемъ и силой выражена уже знакомая нашъ мысль, давящая жизнь и содержащая многимъ главамъ плотиновскихъ энеадъ. Гностики видятъ источникъ зла въ „мірѣ" т.е. въ тѣлесной сущности. И утверждаютъ, что люди, по своей природѣ, безсмертны и дѣти вѣчной жизни и что лишь по столько, по сколько они связаны съ внѣшнимъ міромъ, они обречены тлѣнію и смерти. А стало быть — нужно преодолѣть міръ и разрушить его! тогда вся власть будетъ въ человѣческихъ рукахъ и самое страшное — смерть — перестанетъ быть страшнымъ.

Казалось бы, Плотинъ должен былъ признать въ гностикахъ друзей и союзниковъ. Они же — мы только сейчасъ объ этомъ говорили — учили, что наша задача освободить душу отъ оковъ тѣлесности, они же проповѣдовали, что нужно бѣжать изъ видимаго міра. Но, когда онъ услышалъ свои собственныя слова изъ устъ гностиковъ, онъ пришелъ въ неописуемое негодованіе: вся девятая книга второй энеады есть выраженіе этого негодованія. Плотинъ, словно онъ самъ никогда не утверждалъ ничего и похожаго на это, заявляетъ, что поносить міръ есть величайшее кощунство и еще большее кощунство — поносить творца міра. Въ противуположность гностикамъ, онъ въ этой книгѣ говоритъ о видимомъ мірѣ почти тѣми же вдохновенными словами, какими онъ въ другихъ книгахъ говоритъ о мірѣ умопостигаемомъ. Историки и этой непослѣдовательности Плотина нашли, какъ и слѣдовало ожидать, „простое" объясненіе: въ Плотинѣ сказался грекъ и греческое преклоненіе предъ тѣлесно-прекраснымъ. Простое объясненіе! Не фаромъ говорятъ, что иная простота хуже воровства. А гдѣ же „азіатскій вліяній", о которомъ намъ прежде столько говорили? И развѣ Плотинъ не былъ грекомъ, когда взывалъ: бѣжимъ какъ можно скорѣе изъ этого міра? Или когда училъ, что путь къ высшему достиженію — ὁ τοῦ ἀνεύδαιμονος (оторваться отъ всего, живя при сидящаго)? Или развѣ Платонъ не былъ грекомъ, когда говорилъ почти то-же?

Ясно, для того, ~~что прямо~~ что хочетъ видѣть, что „простыя" объясненія здѣсь совершенно неумѣстны. Тутъ причина совсѣмъ другого порядка. Плотинъ, очевидно, не выносилъ логической обработки своихъ мыслей. Онъ самъ могъ отрекаться отъ видимаго, тѣлесныхъ вещей, онъ могъ стремиться прочь изъ міра, могъ предпочитать смерть жизни и т.д. Но, когда гностики захотѣли превратить всѣ эти измѣняющіяся душевныя состоянія его въ неизмѣнную истину т.е. во всеобщій и необходимый законъ — Плотинъ вышелъ изъ себя. Вѣдь самъ онъ никогда не перечитывалъ того, что писалъ! Какое ему было дѣло, когда онъ вдругъ увидѣлъ и услышалъ, что то, что онъ чувствовалъ и говорилъ ~~перечитывалъ~~ только иногда и только для себя, вдругъ (тоже при посредствѣ жезла Меркурія!) у гностиковъ было провозглашено вѣчной истиной т.е. тѣмъ, что всегда есть, всегда было и будетъ и инымъ быть не можетъ? Да, онъ писалъ, что только забывши все и сосредоточившись всецѣло на самомъ себѣ, онъ достигалъ той свободы, безъ которой для него невозможно было единеніе съ Богомъ. И писалъ, конечно, правду. Временами, ему нужна была эта великая внутренняя тишина, при которой все, даже „естественная необходимость", перестаетъ связывать и давить человѣка. Но, развѣ отсюда слѣдуетъ, что міръ созданъ дуракомъ богомъ и что міръ нужно порочить? Не что дальше? удовлетворяться тѣмъ ~~міромъ идеальныхъ сущностей, которыя создали гностики~~ созданнымъ человѣческими руками міромъ идеальныхъ сущностей, которыя воспѣваютъ гностики? Или стоики? Міръ во злѣ лежитъ — онъ это говорилъ, онъ такъ думалъ и писалъ — но опять же такое можно сказать, но изъ этого нельзя и не нужно дѣлать „истину". Мы знаемъ, какъ тщательно избѣгалъ Плотинъ всякихъ положительныхъ опредѣленій этой своей высшей сущности, которую онъ, на нѣчто умозрительно, назвалъ ничего не говорящимъ словомъ „Единое". Ὑπέρκαλος, ὑπεράγαθος и т.д. говорилъ онъ о ней. Онъ ее и сущностью не хотѣлъ называть, онъ утверждалъ, что она ἐπέκεινα καὶ τοῦ καὶ τοῦ ὄντος. Всѣ эти отрицанія и суперпревосходныя степени имѣли, очевидно, одинъ смыслъ и одно назначеніе, какъ и плотиновскій завѣтъ — „взлетѣть надъ познаніемъ": освободиться — не отъ тѣхъ даровъ, которые намъ приносили боги, а отъ тѣхъ самоочевидностей, которыя

привносятся нашимъ разумомъ (опять таки, въ терминахъ Эпиктета, вымышленномъ Меркурія) и при посредствѣ которой разнообразной, противорѣчивой, ~~живой~~ матеріалъ переливаній превращается въ неподвижную, всегда себѣ равную, а потому „понятную" идею. Что и говорить: чтобъ вырваться на свободу, нужно забыть о томъ, что внутри тебя. Но забыть можно лишь то, что знаешь. И забыть лишь по столько, поскольку это знаніе связываетъ, т.е. по столько, по сколько то, что однажды испытаешь, при тязаетъ къ абсолютную власть надъ тобой. Плотиновское „забвеніе" нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что онъ стремился выстравить изъ своей души все, ~~что~~ что ей дано было испытать. Наоборотъ — и объ этомъ свидѣтельствуетъ его несдержанныя нападки на гностиковъ — для Плотина уйти отъ внѣшняго міра значило расколдовать его отъ ~~чаръ~~ чаръ разума, повелѣвающаго человѣку въ „естественномъ" видѣть предѣлъ возможнаго. Плотинъ въ этомъ, удѣлавливаемомъ разумомъ, „предѣлѣ" чувствуетъ то-же enchantement et assujettissement ~~humanitaires~~, о которомъ намъ впослѣдствіи разсказывалъ Паскаль. И тоже чувствуетъ что эта заворожённость и оцѣпенѣніе вовсе не естественны, а въ высокой степени противоестественны и даже сверхъестественны. Прочтите хотя бы отрывокъ изъ шестой книги первой эннеады (глава ~~первая~~ девятая), отрывокъ, который, думаю, можно, не рискуя (а то и рискуя: иной разъ приходится рисковать!) подвергнуться упреку въ произволѣ, перевести слѣдующими словами Достоевскаго изъ Братьевъ Карамазовыхъ: „Вдругъ, круто повернувшись, (онъ) (Алеша) вышелъ изъ кельи (покинувъ старца). Полнымъ восторга духа его тянуло свободы, мѣста, ~~простора~~ широты. Надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполъ, полный тихихъ, сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита до горизонта двоился еще неясной млечный путь. Свѣжая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Бѣлыя башни и золотыя главы собора сверкали на лазурномъ небѣ. Осенніе роскошные цвѣты въ клумбахъ около дома заснули до утра. Тишина земная какъ бы сливалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною. Алеша стоялъ, смотрѣлъ и вдругъ, какъ подкошенный, повергся на землю... „Облей землю слезами радости твоей и любви сіи слезы твои" прозвенѣло въ его душѣ. Отчего

плакалъ онъ? О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездна и „не стыдился изступленій своего". Какъ будто нити отъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его и она вся трепетала, „соприкасаясь міраміи иными" Ф. Сн.

X

Если все ~~это~~ происходило у Плотина такъ какъ это мнѣ представляется, если его борьба съ самоочевидностями была не отказомъ отъ ниспосланныхъ свыше даровъ, а лишь стремленіемъ преодолѣть предразсудки, при помощи которыхъ разумъ превращаетъ полученную отъ боговъ жизнь въ научное знаніе — тогда эпоха его получаютъ для насъ совсѣмъ иной смыслъ и иное значеніе. ~~Такъ для насъ~~ Становится понятнѣе, тогда отчего его теодицея и его этика такъ быстро и неотвратимо построился по готовому стоическому образцу, зачѣмъ онъ старался примирить Платона съ Аристотелемъ, почему онъ не брезгалъ никакими подъ руку попадавшимися „доказательствами" — и ~~почему~~, почему иной разъ онъ до 50 лѣтъ ничего не писалъ, а когда началъ писать, не перечитывалъ написаннаго. Тоже понятно будетъ, отчего онъ такъ старательно исполнялъ свои гражданскія обязанности и даже его странное чувство стыда (мнѣнія — страха!), что онъ живетъ въ тѣлѣ. И этика, и теодицея ему не нужны были — онъ только исполнялъ ~~свою~~ предназначенную ему роль въ исторической драмѣ — такъ же, какъ и нужны были ему имущества опекаемыхъ имъ сиротъ. Что ему могли дать богатства? И что ему могла дать этика? Слова нѣтъ — чтобъ существовать, нужно имущество. Нужны тоже житейскія привычки и нравственныя устои: безъ этого собственная жизнь людей здѣсь, на отмѣнномъ времени, становится невыносимой. Нужна тоже и надежда и теодицея — спокойная увѣренность, что въ мірѣ все обстоитъ благополучно. Но, вѣдь, Плотина больше всего пугали спокойствіе и увѣренность. И спокойствіе и увѣренность предполагаютъ тотъ глубокій сонъ души, который для Плотина былъ какъ бы началомъ и предвѣріемъ смерти и небытія. Но этого никому нельзя разсказать: не только непосвященнымъ, но и посвященнымъ. Нельзя даже и себѣ самому что-нибудь, чѣмъ разъ сказать, а сказавши, нужно забыть сказанное.

т.е. на привычномъ для насъ языкѣ это не имѣетъ никакого смысла. Это-то теологическая истина, которая искони враждовала съ истиной научной уже въ силу своей „логической" конструкціи. Истина научная облекается въ форму суждения, т.е. утвержденія ~~которое~~ всегда, вездѣ и для всѣхъ пріемлемаго и обязательнаго. Но, какъ выразить въ формѣ суждений владѣвшую душой Плотина тревогу? Поскольку душа въ тѣлѣ она спитъ глубокимъ сномъ" говоритъ онъ потомъ. Но ему можно возразить: а эта истина есть истина души, тѣла ~~души~~ освободившейся? Вѣдь чтобъ освободиться отъ тѣла- нужно умереть. И пока то живъ - то отъ тѣла не освободился. И стало быть тѣ его утвержденіе -„поскольку душа въ тѣлѣ, она спитъ глубокимъ сномъ" - есть тоже истина не бодрствующаго, а спящаго человѣка. Плотинъ не хуже насъ зналъ, что ему такъ можно возразить, равно, какъ онъ зналъ, что всѣ этики и теодицеи придуманы (для его предшественниковъ) исповѣдующихъ т.е. для людей, которые даже не подозрѣваютъ, что они спятъ и что задача философіи не въ томъ, чтобъ обосновать сонъ, а въ томъ, чтобъ сорвать продолжаніе его невозможнымъ. То внѣшнее „спокойствіе", которого онъ добивался своими „теодицеями" и которое такъ импонировало его искушеннымъ ученикамъ, не только не исключало величайшей напряженности внутренней тревоги, по ней предполагалось. Плотинъ отбивался отъ заботъ и тревогъ дня лишь затѣмъ, чтобъ отдаться всецѣло одной великой и послѣдней тревогѣ (~~Φυγὴ μόνου πρὸς μόνον - VI. 9. 11~~), которой онъ уже не могъ „раздѣлить" ни съ кѣмъ и которая ни съ кѣмъ раздѣляема уже быть не можетъ. Онъ не хочетъ тратить силъ свои на разрѣшеніе вопросовъ, подсказываемыхъ ему повседневностью и разрѣшаетъ ихъ наскоро, какъ придется, какъ Богъ на душу положитъ. И только, когда онъ видитъ исполнитъ, что его собственныя отвѣты превращаются у другихъ людей ~~превращаются~~ въ вѣчныя истины, онъ иногда, какъ это было у него съ гностиками, теряетъ свое „философское самообладаніе" и разражается гнѣвными рѣчами. Какъ можно назвать міръ дурнымъ? И Бога, создавшаго міръ, злымъ? Я думаю, что, если бы кто нибудь въ его присутствіи сказалъ, что нечего плакать по поводу гибели отечества, онъ тоже возмутился бы и ~~изъ~~ глубина души своей

воззвалъ: пусть прильнетъ мой языкъ къ гортани, пусть отсохнетъ моя правая рука, если я забуду тебя, Іерусалимъ. Я думаю, что Плотинъ умѣлъ, почти такъ-же какъ и псалмопѣвецъ, произнести (de profundis ad te, Domine, clamavi.) И, что въ его душѣ были и великія радости и великій плачъ по поводу тѣхъ „повседневныхъ" собратьевъ, о которыхъ онъ, по указанію стоиковъ, училъ (не посвященныхъ, что они — ἀδιάφορα) и что о нихъ и вспоминать нельзя. Можетъ быть онъ допрашивалъ судьбу и творца не только о смерти великаго Сократа, но и о той раздавленной черепахѣ (библейскомъ, никому не извѣстномъ Іовѣ), для которой не нашлось мѣста въ его теодицеѣ. И умъ навѣрное самъ смѣялся надъ своими разсужденіями о томъ, что каждой человѣкъ долженъ быть доволенъ той ролью, которая выпала на его долю, ибо въ пьесѣ, въ которой онъ привыкалъ мірозданіе, однимъ людямъ назначена высокія, другимъ низкія роли и дѣло не въ томъ, какую роль вамъ назначили, а въ томъ, насколько старательно вы ее исполняете, ~~сущность дѣла, вѣдь въ этомъ~~ цѣлью, является, вѣдь, пьеса а не актеровъ и исполненіе. Навѣрное, говорю, смѣялся Плотинъ надъ такими своими разсужденіями и тоже, навѣрное, вышелъ бы изъ себя, если бы услышалъ имъ изъ устъ какъ-нибудь ученыхъ или другихъ, далекихъ для него, людей, если бы, напримѣръ, довелось ему прочесть теодицею Лейбница, въ которой такъ обстоятельно и подробно развита его мысль. Все свое вдохновеніе Плотинъ черпалъ въ сознаніи высокаго назначенія человѣка. Вѣдь не убѣждалъ онъ злодѣя ~~и убійцу~~ добросовѣстно исполнять свои злодѣйскія дѣла или дурака — свои дурацкія по тѣмъ соображеніямъ, что въ пьесѣ нужна не только благородная и умная, но тоже подлая и глупая роль! Философія Плотина, которую онъ самъ опредѣлялъ однимъ словомъ (— τὸ ἡσύχαζον —) имѣла своей задачей освободиться отъ кошмара видимой дѣйствительности. Но, въ чемъ кошмаръ? Въ чемъ ужасъ? Откуда они? Гностики говорили: міръ самъ по себѣ безобразенъ. Для Плотина это было непріемлемо. Онъ зналъ, что не „въ мірѣ" — зло и не „міръ" закрываетъ отъ насъ (τὸ ἡσύχαζον), то „самое важное", чего онъ искалъ. И чтобъ пробудиться отъ кошмара — можно только „вдругъ" — почувствовавъ, что наши самоочевидныя истины — есть лишь лѣкарство (enchantement et assoupissement). И не „случайное" это наваждение

Плотинъ въ свое время, какъ Паскаль въ свое видѣлъ и чувствовалъ всей душою ту „сверъестественную" (surnaturel) силу, которая овладевала людьми, внушивъ имъ убѣжденіе о ~~сверъ~~ „естественной необходимости" и о непререкаемости разума, дающаго людямъ вѣчныя и для всѣхъ обязательныя истины. Плотинъ боролся съ доставшейся ему отъ предшественниковъ „теоріи познанія" т.е. теоріей о самоочевидномъ для всѣхъ источникѣ. Онъ, какъ мы помнимъ, противоставлялъ теоріи познанія теорію о „двоякой истинѣ", которую Паскаль такъ сильно выразилъ въ непризнанной исторіей словахъ: on n'entend rien aux ouvrages de Dieu si on ne prend pour principe qu'il a voulu aveugler les uns et éclairer les autres. И ~~[illegible]~~, я думаю, можно безбоязненно сказать, что ~~Плотинъ~~ подобно тому, какъ Паскаль въ Pyrrhonismus philosophorum, такъ и Плотинъ въ эпиктетовскомъ притязаніи на волшебный жезлъ Меркурія видѣлъ только Iuverve diabolique, а въ естественныхъ чудесахъ, которыми похвалялась стоическая этика — видѣлъ не чудеса, а только безсильное подражаніе или даже каррикатуру на чудеса. Потому и Pyrrhonismus diabolique въ устахъ Плотина не звучало бы осужденіемъ — хотя, кто знаетъ? — можетъ и Паскаль въ глубинѣ души Эпиктета не осуждалъ. Можетъ Паскаль понималъ, что Эпиктетъ предался своему естественному колдовству только faute de mieux: разумъ, которому онъ, вслѣдъ за своими великими греческими учителями, такъ безоговорочно довѣрился, усыпилъ въ немъ способность даже въ редкіе моменты душевнаго подъема видѣть ту „теологическую" истину, которую, въ состояніи „выпадения", жаждая видѣли Паскаль и Плотинъ. Эпиктетъ, какъ и другіе стоики, какъ и вся официальная греческая философія, наслѣдниками которой противъ воли оказываемся и мы, не допускалъ ~~[illegible]~~ возможности дѣйствительныхъ чудесъ. Для него законъ противорѣчія былъ высшимъ послѣднимъ закономъ, равно обязательнымъ и для людей, и для боговъ. Ему показалось бы безуміемъ, если бы Паскаль сказалъ ему, что законъ противорѣчія — это тотъ ангелъ съ огненнымъ мечемъ, который Богъ поставилъ у вратъ Эдема послѣ грѣхопаденія нашего праотца, Адама. По убѣжденію Эпиктета, путь къ высшему достоинству — опять такъ и для людей и

для богобъ — въ безусловномъ повиновеніи закону. Законъ „былъ въ началѣ" — и тоже будетъ въ концѣ. Изъ закона онъ сотворилъ себѣ кумира, которому поклонился, какъ богу, ибо законъ, какъ и Богъ есть „духъ", идеальная сущность, не знающая ни дѣтства ни фиора. Ученіе Эпиктета, до сихъ поръ такъ чарующее людей, и не только простецовъ, но и философовъ, сводилось къ тому, чтобъ убѣдить ближнихъ, что созданный имъ кумиръ — есть Богъ, что въ этомъ кумирѣ — богобъ нѣтъ, и что въ служеніи этому кумиру смыслъ и назначеніе человѣка. Онъ отвергъ кумировъ, которые дѣлали его предки — изъ золота, серебра, слоновой кости или мрамора. Но кумиру идеальному онъ поклонился — и даже не признавъ въ немъ кумира. И такъ пошло послѣ него, что даже тѣ люди, которые знали принесенную съ Востока заповѣдь, не догадались, что кумиръ, сдѣланный изъ идеи тѣмъ не менѣе похожъ на Бога, какъ кумиръ, сдѣланный изъ какой хотите грубой матеріи. Истина перестала быть для людей живымъ существомъ и превратилась въ идеальную сущность (діаметральную функцію, этическій идеализмъ понятія почти равнозначащія). Сейчасъ для насъ „естественная необходимость" — предѣльное понятіе, знаменующее собой окончательное торжество „разума". Сейчасъ и въ Плотинѣ тѣ, которые особенно усердно изучаютъ и перечитываютъ его Эннеады, видятъ изучаетъ философа, зачарованнаго самоочевидностями разума. И, повторяю, сочиненій Плотина даютъ для того достаточно поводовъ. Но — напомню въ послѣдній разъ — Плотинъ своихъ писаній никогда не перечитывалъ и не только не озаботился о томъ, чтобъ освободить ихъ отъ противорѣчій, но сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобъ сохранить противорѣчія во всемъ ихъ дерзновенномъ безстыдствѣ. Ему эти противорѣчія были необходимы, какъ и дальній его духовный предокъ, Сократъ, чувствовалъ, что ему нужно не усыпить въ себѣ безпокойство и душевную тревогу, а довести ихъ до той степени напряженія, при которой онъ станетъ невозможнымъ. Оттого надо полагать, онъ такъ настойчиво отравлялъ душу отъ тѣла. Онъ зналъ, что въ отравѣ души отъ тѣла — величайшая боль, и что только великая боль можетъ привести съ собой то „истинное пробужденіе", о которомъ онъ мечталъ всю жизнь. Отъ

людей онъ требовалъ отреченія отъ всего, что для нихъ наиболѣе дорого и ~~всегда~~ постоянно твердилъ имъ, что самое дорогое можетъ быть у нихъ отнято. Самое нужное, самое важное, самое цѣнное — τὸ ἡγεμονικόν — всегда, во всякое время можетъ быть у насъ отнято. Что напоминаетъ онъ намъ при всякомъ случаѣ. Что чудеса человѣческой, которыя ~~вы~~ обѣщалъ намъ стоицизмъ и вслѣдъ за стоицизмомъ христіанинъ никогда не замѣнятъ этого ἡγεμονικόν. Нельзя мѣнять даровъ божьихъ на дары людей. ...

И временами (не часто, не πολλάκις, скажу еще разъ — а рѣдко, очень рѣдко), когда душѣ удается ~~на мгновеніе~~ проснуться отъ сомнѣвидности разума, она убѣждается, что она — κρείττονος μοίρας (praestantioris sortis, какъ перевелъ Марсилій Фичино) — что ея тѣсть иное назначеніе, чѣмъ думаютъ всѣ. Она рождена не затѣмъ, чтобъ „покоряться". Покорность и возвеличеніе покорности есть результатъ навѣянныхъ свыше чаръ. Плотину, которой и самъ не разъ воспѣвалъ покорности, ~~самъ~~ иногда начинаетъ казаться, что столь опороченное имъ „дерзновеніе" — τόλμα есть высшій даръ боговъ. На землѣ существуютъ законы. Земные властители — и помазанники царя и тираны узурпаторы — они всѣ признаваютъ и превыше всего цѣнятъ повиновеніе. На землѣ иначе нельзя. На землѣ законы — и законы природы и законы общежитія — суть условія возможности человѣческаго существованія. Но „въ началѣ" — законовъ не было. Законъ „пришелъ послѣ". И въ концѣ законовъ не будетъ. Богъ ничего отъ людей не требуетъ, Богъ только ударяетъ. И въ Его царствѣ, въ томъ царствѣ, о которомъ порывамъ вдохновенія поетъ намъ ~~не философъ, а пламенный~~ Плотинъ слово „принужденіе" теряетъ всякій смыслъ. Тамъ, за вратами, окруженными огненнымъ мечемъ, даже истина, которая, по нашему, имѣетъ безспорнѣйшее право требовать себѣ повиновенія — и она отказывается принуждать кого бы то ни было и радостно признаетъ на ряду съ собой истину, ей противуположную. Тамъ и жалкая черепаха, которой здѣсь хотя голосъ либо свернуть съ дороги, либо быть раздавленной не свернетъ съ дороги, и

не будетъ раздавленной. Тамъ будутъ реальныя чудеса богобѣ, а не идеальныя чудеса Сократа и Эпиктета. Тамъ будетъ и Творецъ реальныхъ земныхъ чудесъ, тотъ „Единый", который навелъ сонъ и оцѣпенѣніе на людей и заворожилъ ихъ самоочевидностями разума. Къ нему, къ этому Единому, создавшему нашъ дивный видимый міръ и обращается душа Плотина въ рядѣ мгновеній вдохновенія и подъема. Тогда видитъ онъ, что на небѣ, невѣдомомъ досѣлѣ людямъ высяя, скорбь Іовы и въ соломъ дѣлѣ перевѣшивается тяжелой песочкой мерекой, тогда рѣчи его становятся „неистовыми", въ философіи рождается псалмопѣвецъ - φύσει ἀνθρωπος πρὸς ἀνθρωπον.

Л. Шестовъ.

Парижъ. Май 1924 г.